

АНУЙ Ж. "Ромео и Жаннетта"

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Просторная, плохо обставленная комната в большом мрачном и обветша-лом доме. В глубине её виден коридор, в конце которого намечается кухня и начало лестницы. Ставни остеклённых дверей затворены. Они отворяются. Впуская в комнату немного света, входит Улия, Фредерик и его мать, богатые деревенские жители, одетые по-воскресному, в чёрное.

УЛИЯ. Они всё и всегда оставляют открытым. (Кричит.) Вы тут?

Ответа нет. Улия исчезает в тёмном коридоре. Слышно, как она кричит ещё...

Здесь вы?

Фредерик и его мать остаются стоять на сцене. Мать осматривается кругом, бросает...

МАТЬ. Кажется, нас не ждали.

В то время как она это говорит, Улия возвращается; чувствуется, что ей страшно, она бормочет...

УЛИЯ. Они же получили письмо. Я отнесла его в понедельник на почту.

Улия живо подходит к столу и пытается немного разобрать грязный беспорядок, который на нём царит.

Они все трое очень неряшливы.

МАТЬ. Вижу.

Опираясь на зонтик и, выпрямившись, она ещё раз подозрительно ос-матривается вокруг, спрашивает...

Можно сесть?

УЛИЯ, суетаясь. Ну, конечно, мама... (Подходит к одному стулу и про-бует его.) Нет. Этот сломан. Этот тоже. Табуретка крепкая, я перед отъездом сама покупала её на базаре. Она совсем новая. (Берёт табу-рет.) Нет. Она тоже сломана.

МАТЬ, всё ещё на ногах. Что они делают со стульями?

УЛИЯ. Не знаю. Они на них встают. Они их бьют.

МАТЬ. Зачем же они их бьют?

УЛИЯ, бросая безнадежный взгляд на Фредерика, бормочет. Не знаю. Я сама задаю себе этот вопрос.

ФРЕДЕРИК, приходя на помощь Улии. Какая разница, маман?

МАТЬ. Никакой, сесть хочется.

Улия и Фредерик оглядываются вокруг. Улия находится в сильном бес-покойстве. Фредерик идёт к креслу, заваленному бельём.

ФРЕДЕРИК. Вот тебе, пожалуйста, кресло! (Пробует его, приносит.) Крепкое кресло, мама. Садись.

Под беспокойным взглядом Улии, проверив надёжность кресла, мать Фредерика садится. Она сидит кроткое время, потом бросает...

МАТЬ. Без десяти двенадцать.

УЛИЯ, краснея, если это возможно, ещё больше. Да. Я не понимаю.

Улия подбирает кучу белья, брошенную Фредериком на пол и, поддержи-вая разговор, крутится с ней по комнате, не зная, куда её пристро-ить.

А ведь они знают, что поезд приходит в одиннадцать.

ФРЕДЕРИК. Они, верно, поехали на вокзал другой дорогой.

УЛИЯ. Нет, когда отлив, всегда по песку ездят, через бухту. Мы бы обязательно встретились.

МАТЬ. Впрочем, если ваш отец с братом поехали на вокзал, то сестра должна же была остаться дома, чтобы смотреть за обедом.

УЛИЯ, крутясь с кучей белья. Конечно. Должна была. Я не понимаю.

МАТЬ. Правда, обеда, может, и нет вовсе... следить не за чем. Вы были на кухне?

УЛИЯ. Да, мама. Там ничего нет.

Улии, наконец, удаётся запихнуть бельё в шкаф. Опираясь на его дверцы, она переводит дыхание, как преступник. Мать Фредерика ниче-го не замечает.

ФРЕДЕРИК, (страх Улии заставляет его улыбнуться), чтобы всё ула-дить. Может, они собирались отвести нас в ресторан?

УЛИЯ, ещё более несчастная. Тут нет ресторана. Только буфет в ла-вочке, распивочная.

МАТЬ. Значит, нужно проехать бухту в противоположном направлении? (Пауза.) Без пяти полдень.

УЛИЯ невнятно. Дело в том что... это опасно во время прилива. Нужно по дороге ехать, а это дальше.

МАТЬ. Намного дальше?

УЛИЯ, после колебания. Да. Почти вдвое.

Мать Фредерика ничего не отвечает на это известие. Ужасное молча-ние. Мать медленно оглядывается вокруг. Улия тайком принимается прибираться за её спиной. Когда мать, заметив на полу какой-то му-сор, тычет в него зонтиком, Улия не может сдержать рыданий. Сорвав с себя шляпу и бросив её куда попало, она хватает щётку.

УЛИЯ. Ах, лучше я пол буду мести!

МАТЬ. Действительно. В этом есть необходимость.

ФРЕДЕРИК, (ему жалко Улию), подходя к матери. Я помогу Улии. А ты, мама, на судью похожа, полно. Сходи лучше в лавку и купи на обед консервов.

МАТЬ, поднимая глаза к небу. Консервов? На Успение Пресвятой Бого-родицы?

УЛИЯ, делая шаг. Мне очень жаль, мама. Я не понимаю, что происхо-дит. Не беспокойтесь. Я сама пойду в лавку.

МАТЬ. Нет, Улия, вы тут больше нужны. К тому же, если вы хорошенько поищите, то, может, найдёте кастрюлю и воды. Я лапши принесу.

ФРЕДЕРИК. Именно, именно! И паштета. Возьми тоже омаров в банке, джем и печенья. Мы не заслуживаем постного праздника.

МАТЬ, с порога. И... на них тоже рассчитывать?

УЛИЯ, страдающая. Но... я не знаю. Не понимаю, где они ещё могут обе-дать.

МАТЬ. Они, вероятно, подумали, что мы пригласим их на пикник.

ФРЕДЕРИК, нежно выталкивая её из дома. Вероятно. Торопись, мама. А мы пока накроем на стол.

Когда она выходит, Улия бросает швабру, падает на стул и плачет.

УЛИЯ. Так я и думала. Так я и думала. Они ужасны!

ФРЕДЕРИК. Думаешь, они получили твоё письмо?

УЛИЯ. Уверена!

ФРЕДЕРИК. Тогда, может, они не хотели нас видеть?

УЛИЯ. Даже не это. Утром все разошлись в разные стороны, рассчиты-вая друг на друга, вот и всё.

ФРЕДЕРИК. А сестра? Мужчины обычно помогают ей по хозяйству?

УЛИЯ, с сокрушённым жестом показывая вокруг себя. Видишь. (Фредерик смеётся.) Ах, не смейся! Не смейся! Мне слишком стыдно.

ФРЕДЕРИК. Почему же стыдно?

УЛИЯ. Я тебе не сказала. Думала, могу не говорить. Зачем твоя мать захотела сюда приехать? Как будто у них моей руки надо просить! Ес-ли б мы не приехали, я бы могла всего этого и не высказывать.

ФРЕДЕРИК. Да чего не высказывать-то, Улия?

УЛИЯ. Всего моего стыд. Вообще всего!

ФРЕДЕРИК, улыбаясь. Тебе до такой степени за них стыдно?

УЛИЯ. С самого раннего детства.

ФРЕДЕРИК. Что же в них такого необыкновенного?

УЛИЯ. Скоро увидишь. (Она внезапно и яростно взрывается.) Они обеда не приготовили! Даже не подмели пол! Они все разошлись, и неизвест-но когда вернуться, и, увидишь, одеты будут кое-как. А мать твоя останется голодной!

ФРЕДЕРИК. За неё не волнуйся. Она сейчас всю лавку купит.

УЛИЯ. Понятно, если бы я их не предупредила! Но я написала в пись-ме, ясно написала: «Я приеду с моим женихом и будущей свекровью, нужно приготовить хороший обед». Я даже послала им денег.

ФРЕДЕРИК. Может быть, они привыкли обедать позднее?

УЛИЯ. На кухне, кроме прокисшего молока и горбушки хлеба ничего нет. Плакали мои деньги! Я прекрасно знаю, куда они подевались, эти деньги.

ФРЕДЕРИК. Бедная Улия.

УЛИЯ. Я написала: «Уберите дом, чтобы мне не было стыдно, моя свек-ровь любит порядок». Полюбуйся!

ФРЕДЕРИК. Мы вместе уберёмся, вставай.

УЛИЯ, кричит в слезах. Нет! Я хочу лечь на пол и плакать!

ФРЕДЕРИК. Улия!

УЛИЯ. Я хочу, чтобы, возвратившись, они застали меня вот тут, в их недельном мусоре! А рядом чтобы стояли мой жених и свекровь. Пусть они, в свою очередь, покраснеют!

ФРЕДЕРИК. Поднимись, Улия.

УЛИЯ. Кстати, они даже не краснеют, я их знаю. Им будет всё равно. (Она встаёт.) Видишь, ты хотел с ними познакомиться, теперь ты меня любить перестанешь!

ФРЕДЕРИК, смеясь. Уже перестал!

УЛИЯ, бросаясь к нему в объятия. Я не такая, как они! Ещё в детстве я всё подметала и мыла, пока моя сестра перед зеркалом вертелась. Я же и отца заставляла бриться и вставлять чистый воротничок. Вот увидишь, увидишь, что он даже не брился!

ФРЕДЕРИК. Кто знает... всё-таки праздник.

УЛИЯ. Ему всё одно - праздники, воскресенья. Они всю неделю живут одинаково. Им всё равно. Как и когда поесть, можно и не умываться. Для папы главное – в карты с друзьями в распивочной поиграть. А ей бы всё только в лесу бегать или весь день в песке греться на сол-нышке... Пусть дом вверх тормашками стоит!

ФРЕДЕРИК. А зимой?

УЛИЯ. Она сигареты курит, вот тут лёжа, на том, что называет своим диваном. Или шляпы делает себе и платья из старых тряпок, как в детстве. Нужно видеть эти платья и шляпы! Дома у них никогда денег нет, а когда появляются, то для того только, чтобы их немедленно истратить. Она из старых занавесок платья шьёт. А как только они готовы, то тут же на них появляются пятна или дырки, и наплевать, если задница выглядывает, а коленка торчит из чулка.

ФРЕДЕРИК. Уличка, Улия... значит, ты злюка!

УЛИЯ. Ты всё это так ненавидишь, тебе будет плохо!

ФРЕДЕРИК. Женюсь-то я не на твоей сестре!

УЛИЯ. Иногда, когда я спешу подобрать всякую бумажку, ты подшучива-ешь надо мной, говоришь, что я одержимая, как пчела. А я тру, тру всякое крошечное пятнышко. Потому что мне всегда кажется, что нужно что-то убрать и привести в порядок, за ними что-то убрать.

ФРЕДЕРИК. А что говорит твой брат?

УЛИЯ. Раньше он не был, как они. Но с тех пор, как с женой разошёлся и живёт здесь, он стал такой же. Днями напролёт читает, запер-шись у себя в комнате. Теперь я и его не люблю. Раньше это был обыкновенный мальчик, он работал, как все, был отличником в школе, хотел зарабатывать деньги. Сейчас впечатление, что он за какую-то дверь зашёл и смотрит на меня с той стороны, как и она, с усмешкой. Он всё отвергает. Не мы же виноваты, что жена его больше не любит!

ФРЕДЕРИК. А мама твоя, когда была жива?

УЛИЯ, краснея, как рак. Мама не умерла. Я тебе наврала. Она ушла с кочующим зубным врачом. Он рвал зубы на рыночной площади, в цилинд-ре и под музыку. (Короткая пауза.) Вот так. Я теперь тебе и это сказала, можешь возненавидеть меня.

ФРЕДЕРИК, обнимая её. Дурочка, моя милая дурочка!

УЛИЯ. Больше никогда я не смогу посмотреть тебе прямо в глаза!

ФРЕДЕРИК. Хорошо же нам будет в течение ближайших полвека! Ведь, если повезёт, нам осталось ещё лет пятьдесят вместе прожить!

УЛИЯ. Ах, Фредерик! Думаешь, несмотря на них, ты будешь меня лю-бить? Думаешь, не лучше ли немедленно расстаться? Мне так страшно.

ФРЕДЕРИК, прижимая её к себе. Чего ты боишься? Я тут.

УЛИЯ. Не знаю. Боюсь именно того, что ты здесь. Ты такой светлый. Ты так далёк от них. Ты такой чистый. А вдруг ты согласишься, что я такая же?

ФРЕДЕРИК, обнимая её крепче. Я знаю мою пчёлку.

УЛИЯ. Она умрёт со стыда.

ФРЕДЕРИК. От стыда не умирают.

УЛИЯ. Ты говоришь, что и от любви не умирают. От чего же умирают тогда?

ФРЕДЕРИК. Задаю себе этот вопрос.

Он целует её. Спустившийся из своей комнаты, на пороге появляется Люсьен в рубашке с расстёгнутым воротничком, с книгой в руке. Не говоря ни слова, он смотрит, как они целуются. Внезапно Улия замечает брата и отстраняется от Фредерика.

УЛИЯ. Как? Ты был здесь?

ЛЮСЬЕН. Я всегда там, где целуются, нарочно. С тех пор, как мне на-ставили рога, я не могу шагу ступить без того, чтобы ни наткнуться на влюблённых... А я, естественно, терпеть не могу, когда люди це-луются! Но повсюду их вижу. Кстати, продолжайте, что же вы. Не стесняйтесь меня. Я лгу. В глубине, мне это даже доставляет удо-вольствие. Мрачное удовольствие. Я говорю себе: «Оп-ля, ещё пароч-ка, которой не долго осталось!»

УЛИЯ. Так-то ты здороваешься? Я привезла тебе моего жениха, ты его не знаешь и так с ним здороваешься?

ЛЮСЬЕН. Бонжур, мсье.

ФРЕДЕРИК, протягивая ему руку. Добрый день.

ЛЮСЬЕН. Он вежлив. Он руку даёт. Он улыбается.

ФРЕДЕРИК. Привычка. В полку я знал одного, он на вас был похож.

ЛЮСЬЕН. Тоже с рогами?

ФРЕДЕРИК. Нет. Такой же ядовитый.

ЛЮСЬЕН. И силой улыбок и чистосердечными рукопожатиями вы, в конце концов, смягчили его?

ФРЕДЕРИК. Нет. Но я привык. И мы очень подружились.

УЛИЯ. Ты слышал, как я звала только что?

ЛЮСЬЕН. Да.

УЛИЯ. И, конечно, не пошевелился?

ЛЮСЬЕН. Ошибка! Я шевельнулся, когда воцарилась тишина, и я, было, подумал, что вы, обескураженные, обратно уехали. Я шевельнулся так же и потому, что проголодался. Думаешь, мы будем обедать?

УЛИЯ. Обедать? Да. Поговорим об обеде. Где все остальные?

ЛЮСЬЕН. Никогда нельзя знать, где они... Едва знаешь, где сам-то ты есть в поднебесной. Не так ли, шер мсье, видно, что у вас есть образование, как говорится? Вы мне нравитесь. Прямолинейный, верный, честный, ясно мыслящий, идущий вперёд, таратата, таратата, вся эта чепуха, настоящий солдатик! Из вас выйдет прекрасный рогоносец!

УЛИЯ, кричит. Люсьен!

ЛЮСЬЕН. Весёлый рогоносец. Это лучшие! Я же рогоносец грустный.

УЛИЯ, трясёт его. Люсьен! Думаешь, что когда ты отвратителен, это смешно. Ты думаешь, что ты оригинальный, а ты банален, всё что ни есть самое банальное. Ничтожный хулиган, самый безликий из всех, кого я когда-либо встречала.

ЛЮСЬЕН. Я не хулиган, я - рогоносец в муках.

УЛИЯ, беря его руку. В муках или без, заклинаю тебя, замолчи!

ЛЮСЬЕН. Неужто теперь у человека и права нет несчастным быть? Те-перь счастье обязательно? Вот здорово!

УЛИЯ. Ты забываешь, что именно я утирала тебе нос, мыла ноги, давала ложку, когда ты такой был ещё. Я знаю тебя. Ты засранец, но не такой злой, каким хочешь казаться. Так что, послушай меня. И то, что ты пострадал, что жена тебя бросила, и теперь ты несчастен, не должно помешать мне быть счастливой. Я приехала сюда с женихом и его матерью, чтобы объявить вам, что я выхожу замуж. Фредерик больше стоит чем мы вдвоём вместе взятые, он всё понимает. Но тут ещё его мать, которая, конечно, не сможет тебя понять. Даже если ей и объяснить, что тебе по-настоящему плохо. Она из таких, кто переживает скромнее. Так что постарайся привести себя в порядок, помыться и вести себя, как следует. (Умоляюще.) Умоляю тебя, Люсьен! Умоляю тебя, не порть моего счастья!

ЛЮСЬЕН, нежно. Когда просят по-хорошему, я не могу отказать. Пойду облачусь. (С порога, обращаясь к Фредерику.) Вам повезло. Это славная особа. Зануда, но славная. (Он выходит.)

ФРЕДЕРИК. Бедняга! Он, должно быть, сильно помучился.

УЛИЯ. Он - противный!

ФРЕДЕРИК. Он добрый.

ФРЕДЕРИК. Ах, ты, турок! Всё-то ты всех сильнее. Всё тебя смешит, и ты всех извиняешь. Но я бы предпочла, чтобы у меня был более воспитанный брат.

С банками консервов в руках входят мать Фредерика и отец Улии.

ОТЕЦ, с театральным жестом. Сцена из театра... мы встретились в лавке. Опрокидываю, значит, стаканчик с Проспером. Проспер мне говорит: «Посмотри-ка, кто это вошёл». Я вижу шёлковое платье, зонтик... у меня предчувствие. Встаю: «Свекровушка моя, счастлив быть вам представлен!» Это я так выражаюсь, на самом деле, я сам представился. У всех в распивочной глаза открылись, как блюдца. (Обращаясь к Улии.) Я дал ей заплатить за консервы, у меня не было ни гроша. Будь добра, расплатись, доченька. Да, да, это я приглашаю! Шер мсье, рад познакомиться.

УЛИЯ. Папа очень разговорчив.

МАТЬ, ставя банки. Заметила.

ОТЕЦ. Но что это! Стол не накрыт? Вино не охлаждено? Ничего не готово? Что тут скажешь!

УЛИЯ. Я как раз собиралась, папа, тебя об этом спросить.

ОТЕЦ. Меня спросить? Спросить меня, о чём? (Кричит, ужасный.) Где Жаннетта?

УЛИЯ. Об этом я тоже хотела тебя спросить.

ОТЕЦ. Ошеломляюще! (Вежливым движением усаживая мать на диван, другим голосом.) Извините за нескромность, сколько у вас, сударыня, детей?

МАТЬ. Одиннадцать, из них восемь живы.

ОТЕЦ, с движением руки. Из них восемь живы! Не будем говорить об остальных. У вас, значит, всегда имеется семеро в запасе. Вы не должны чувствовать себя одинокой. Я же родил только троих, и нико-гда ни одного под рукой не имею. (Кричит, ужасный.) Где Люсьен?

УЛИЯ. В своей комнате.

ОТЕЦ. Вот видите. Тут я должен остановиться. Здесь я застигнут врасплох. Больше никого нет. Позвать больше некого. Вы же смогли бы продолжить, в этом ваша сила. А я одинок. Для старика это печально! К счастью, у меня есть вот эта. Это старческий костыль мой. Что те-перь будет, когда она выйдет замуж за вашего сына, и станет вашей. У вас будет девять детей. Девять костылей! Ну так что же, ты всем займёшься? Ты нам приготовишь вкусный обед, доченька?

УЛИЯ, строго. Дома есть вино?

ОТЕЦ, скромно. Гмм... скажу тебе... у меня есть, чем его охладить. Не знаю, что с головой сделалось... кстати, у меня были заняты ру-ки...

ФРЕДЕРИК, смеясь. Не беспокойтесь, за вином я схожу. Держись, Улия!

Фредерик выходит.

ОТЕЦ, глядя, как тот выходит. Какой симпатичный мальчик, поздравляю вас! (Разваливаясь на диване.) Ну что, доченька, ты рада вновь уви-деть своего старого отца?

УЛИЯ, неся консервы на кухню. Я была бы особенно счастлива, если б стол был накрыт, а дом убран.

ОТЕЦ, подмигивая матери. Не обращайтесь внимания, сударыня, на то, что она говорит. Она ни одному своему слову не верит. Она счастли-ва. Это золотое сердце. (Поддирая что-то на полу, заталкивает это под диван.) Кстати, дом не такой уж и грязный. Бумажки кое-какие! О пыли и говорить нечего, она каждый день тут как тут. Тряпочка ста-рая... То, что кажется вам беспорядком, говоря прямо, беспорядком не является. Это просто такая размытость контуров. Я, видите ли, старый артист. Мне необходима некая вокруг меня туманность.

МАТЬ, вставая. Я накрою на стол.

ОТЕЦ. Вот это мысль! Я вам помогу. Это меня омолодит. Когда мне бы-ло двадцать лет, я всегда накрывал на стол, чтобы подразнить гор-ничную.

МАТЬ. Где тарелки?

ОТЕЦ. Не знаю. Понемногу в разных местах.

МАТЬ. Как это, не знаете? А что же вы делаете, когда есть хотите?

ОТЕЦ. Я их ищу! Вот, например, три. Но они грязные. Ба! Делов-то, сыр лежал. Убрал корочки...

Отобрав у него тарелки, мать идёт на кухню, крича:

МАТЬ. Разыщите ещё!

ОТЕЦ. Я сделаю всё возможное, свекровушка. (Некоторое время ищет, но быстро отчаивается и, развалившись на диване, вынимает сигару из кармана, откусывает кончик и ворчит.) Разыщите ещё... разыщите ещё! Не очень-то сговорчивая, настоящий дракон. Однако досадно! Такая симпатичная женщина...

Входит мать Фредерика, видит его. Она пытается испепелить его взглядом, но тот стоически выдерживает испытание, продолжая курить с глуповатым видом. Мать хватается щётку и принимается подметать во-круг него.

ОТЕЦ, после короткой паузы. Знаете ли, я оптимист. Мой принцип та-ков, что всё и всегда устраивается.

МАТЬ, язвительно. Особенно, когда устраивают другие!

ОТЕЦ. По правде сказать, да. Но я заметил, что другие за это охотно берутся. Удивительно, как много на планете людей, решивших во что бы то ни стало действовать. Если бы не было несколько нашего брата-философа, образовалась бы толкучка... места бы не осталось.

МАТЬ, внезапно прекращая подметать. У меня четыре фермы, не считая особняка в городе, Фредерика приняли клерком к нотариусу, и у него со временем будет свой кабинет. Вы, может быть, задаёте себе вопрос, почему я женю его на Улии, за которой ничего нет?

ОТЕЦ. Я ничего не задаю, сударыня, я счастлив.

МАТЬ. Улия хорошая девочка, работающая честная экономная.

ОТЕЦ. Мой портрет.

МАТЬ. Я дружу с её тёткой уже пятьдесят лет. Ирма сказала, что, уходя, оставит Улии всё своё состояние.

ОТЕЦ. Бедная Ирма! Как она поживает?

МАТЬ. Хорошо. Я знаю, что вам ей нечего дать.

ОТЕЦ, подпрыгивает. Ирме?

МАТЬ. Нет. Вашей дочери.

ОТЕЦ, категорически. Я, мадам, за брак по любви! Они всегда плохо заканчиваются, кстати сказать, но в ожидании конца, такие браки всё-таки других веселее. Несколько лет, даже, иной раз, месяцев, и уже кое-что. Я считаю, что нужно быть счастливым во что бы то ни стало. Вы - нет?

МАТЬ. Во-первых, нужно быть трудолюбивым. И серьёзным.

ОТЕЦ. А вы что, не считаете, что счастье – это серьёзно? Вы не находите, что это кропотливая работа? Но, чёрт побери, мадам! Я считаю по-настоящему ветреными именно тех, кто об этом день и ночь не печётся. Они довольствуются чаевыми, гримасами, пустотой. Но нам всегда счастья-то и не хватает, чертополох! Что вы мне такое говорите? Тут-то и нужно быть зверски требовательным. (Обращаясь к Улии, которая входит с тарелками, стаканами и скатертью.) Не правда ли, доченька?

УЛИЯ. В чём ещё дело?

ОТЕЦ, обиженный. Почему же «ещё»? Я говорил твоей свекрови, что в жизни человека не достаточно счастья. Ты намереваешься быть счастливой, надеюсь?

УЛИЯ. Да, папа. И мне бы хотелось, чтобы вы мне в этом помогли.

ОТЕЦ. Рассчитывай на меня, дочка! Я шутник, но у меня доброе сердце. То, чего свекровь наша не знает пока.

Входит Люсьен. Он одет во фрак, который ему велик.

МАТЬ. Это ещё кто такой?

ОТЕЦ, кланяясь. Сын мой, сударыня.

МАТЬ. Он работает официантом?

ОТЕЦ. В чём дело! У него юридический лицензиат. Да, кстати, где ты взял этот фрак?

ЛЮСЬЕН. Это твой. Я надел его, чтобы оказать честь мадам.

МАТЬ, настороже. Очень мило с вашей стороны.

ЛЮСЬЕН, уважительно кланяясь. Моё почтение, мадам! (Обращаясь к Улии, которая смотрит на него с беспокойством.) Достаточно ли я представителен во фраке, с сорочьим хвостом?

МАТЬ, обращаясь к Улии. Этот, кажется, вежливый.

УЛИЯ. Кажется.

ЛЮСЬЕН. Видишь, я не заставлял её этого говорить!

ОТЕЦ. Это он женат? Где его супруга?

ЛЮСЬЕН. В свадебном путешествии.

УЛИЯ, кричит. Люсьен!

ЛЮСЬЕН. То есть, я пошутил. Она совершает паломничество. В целях иметь ребёнка.

Мать Фредерика смотрит на него, спрашивая себя, серьёзно ли это. Улия уводит её побыстрей.

УЛИЯ. Мама, вы мне не поможете? Мне нужны ваши советы на кухне. А вы оба, накройте на стол!

ЛЮСЬЕН, обращаясь к отцу, когда те выходят. Я произвёл на неё сильное впечатление. Пусть говорят, однако, туалеты...

ОТЕЦ. Так! Деньги у этой женщины имеются, но она мне кажется весьма ограниченной. Тем не менее, нужно отдать ей должное, у неё корсаж ещё довольно хорош. Я лично питаю слабость к таким особам.

ЛЮСЬЕН. Ты бредишь, ей сто лет!

ОТЕЦ. У тебя нет ни малейшего воображения! Я вижу её около 1912 года, в большой шляпе с перьями... господи святы! Ладно, не будем об этом, поздно уже.

УЛИЯ, входит и идёт к ним. Слушайте меня, оба. У нас, может, есть только минута, чтобы побыть наедине. Больше не будем говорить об обеде, которого нет, о грязном доме.

ОТЕЦ. Я был, кстати, огорчён первым, ты же видела!

УЛИЯ. Я скажу пару слов Жаннетте, когда та вернётся. Если она вернётся. Деньги, впрочем, истрачены?

ОТЕЦ, с трагическим жестом. Нужно было заплатить молочнику. Этот дом – прорва! После оплаты молочнику осталось тринадцать франков. Я хотел купить себе галстук с приспособлением, чтобы выглядеть

сего-дня достойно... у меня больше нечего надеть. Говорю, что хотел, по-тому что приспособление уже поломалась. Эти безделушки ничего не стоят. Лучше поговорим о Монтевидео, который я носил до войны. Щел-чок - и ты чист. Ладно! Я починил старый, укрепил верёвочкой. Не слишком заметно?

УЛИЯ. Нет, но ты бы мог поменять воротничок!

ОТЕЦ. Воротничок? Это целлулоид. Ничего не получится! У них патент, менять невозможно!

УЛИЯ. Да, но можно стирать. А перхоть счистить щёткой, а ногти ост-ричь, и первую пуговицу не застёгивать на вторую петлю.

ОТЕЦ. Ба! Ба! Ба! Прицепишься ко всякой мелочи! Смотри общий вид!

УЛИЯ. Ты, конечно, сегодня не брился!

ОТЕЦ, хитро. Нет. А, откуда ты знаешь?

УЛИЯ, застёгивая его. Не ной во время обеда, что у тебя нет ни гро-ша.

ОТЕЦ. За кого ты меня принимаешь? Иной раз я промахиваюсь, но, в целом, я хороший игрок. Напротив, я собираюсь ослепить её роскошью. Достань-ка всё наше серебро, доченька!

ЛЮСЬЕН, из угла. Оно заложено с 1913 года.

ОТЕЦ, парирует, великолепный. Я могу забрать его, когда захочу. Я пользуюсь уважением...

ЛЮСЬЕН. Тогда, может, его положим на стол?

ОТЕЦ. Во всяком случае, если мы должны на какое-то время отказаться от роскоши, у нас остаётся много достоинства и благородство. Патри-архальная простота. Мы принимаем в старом фамильном доме, который несчастья не обошли стороной, но который ещё стоит, крепко зиждясь на своих древних основах...

ЛЮСЬЕН. Кстати, дождь идёт в каждой комнате, а кровельщик требует задатка, прежде чем начать работы. (Обращаясь к Улии.) Ты ничего для нас сделать не можешь?

УЛИЯ. Всегда я! Почему я! Вы мне отвратительны!

ОТЕЦ. Наша ль вина в том, что крыша худится? Тебя должен отвращать кровельщик. Задаточек! Мальчишка! Я видел, как он под стол ходил.

ЛЮСЬЕН. Вот именно. Он тебя знает.

ОТЕЦ, громогласно. Он меня ещё не знает! Я к конкурентам его пойду!

ЛЮСЬЕН. У него нет конкурентов.

ОТЕЦ. Чепуха! Я обращусь в Париж. Не нужно доводить меня до крайно-сти! (Он зажигает другую сигару, разваливаясь на диване, внезапно успокаивается.) Ну, что обед-то там, будет он когда готов?

УЛИЯ. Я вам послала всё, что могла. Теперь мне надо подумать о свадьбе и приданом, которое мне самой себе нужно приготовить.

ОТЕЦ. Ты права. Подходи ко всему широко. Я не хочу, чтобы о нас го-ворили, что мы тебе ничего не дали. Ты хорошо зарабатываешь в своём учебном заведении? У тебя есть частные уроки? Я встретил на похоро-нах инспектора из Академии, он сказал мне, что ты была очень хорошо отмечена.

УЛИЯ. Я сделаю, всё, что в моих силах, поверь. Но я вам хотела ска-зать, что теперь, когда я выхожу замуж, не нужно больше на меня рассчитывать.

ОТЕЦ. Само собой разумеется! Даже поверь мне, что в иные времена, я дал бы тебе царское приданое.

УЛИЯ, обращаясь к Люсьену. А ты что решил?

ЛЮСЬЕН. Я жду ответа с Берега Слоновой Кости.

УЛИЯ. А если с Берега тебе никогда не ответят? Мне кажется, что с твоими дипломами ты мог бы найти работу не только в Африке?

ЛЮСЬЕН, усмехаясь. Работать тут - под небом рогатых, в конторе, на-битой рогоносцами, которые весь день говорят о любви? Никогда! Нет, в самой середине саванны, окружённый отменно тупыми неграми, негра-ми отменно чёрными, с головой, как булыжник, в которой нет ни одно, ну вот простаки ни одной мысли о любви. И чтобы ни единого бледно-лица на полтыщи километров в округе, я выставил это условием! Если они мне ответят, тогда да - немедленно, даже не будет времени JEAN ANOUILH ROMEO ET JEANNETTE 15

попрощаться! И, что касается переписки, не очень усердствуйте, я не буду даже открывать писем.

ОТЕЦ, спокойно. Все дети неблагодарные! Кстати, я лично никогда не пишу.

УЛИЯ. То, что я вам посылала, было не достаточно, как вы прожили зиму?

ЛЮСЬЕН. Консервами едиными.

УЛИЯ. Я спрашиваю, на что вы жили?

ОТЕЦ, измученный. Да я не знаю... Жаннетта как-то устроилась.

УЛИЯ. Она работает? Чем она занимается?

ОТЕЦ, с неясным жестом. Ты же знаешь её, мы её никогда не видим.

УЛИЯ. Вы должны знать из опыта, что деньги из песка не растут. Она была в городе? Она нашла работу?

ОТЕЦ. Нет, нет. Она оставалась тут.

УЛИЯ. Но я, в конце концов, не понимаю. Она вам много дала?

ОТЕЦ, с ещё одним движением. Ах, деньги-деньги, мне, знаешь, как-то...

УЛИЯ. Люсьен, если тебе известно что-нибудь, говори!

ЛЮСЬЕН. Всё просто. У меня есть убеждение, моя дорогая, что этой зимой все мы жили щедростью господина Азарьяса.

УЛИЯ. Азарьяса, из небольшого замка?

ЛЮСЬЕН. Да. Нежный ребёнок, лишь спустится ночь, убегает, чтобы возвратиться только с рассветом. Впечатление, что она ходит в на-правлении леса. Все женщины одинаковы! Но я рад.

УЛИЯ, взрывается. Ах, мне стыдно! Стыдно! И вы ничего не сказали? Вы даже не написали мне, чтобы я попробовала хоть что-нибудь пред-принять? Этого только не хватало! Накануне моей свадьбы! И все об этом узнают!

ЛЮСЬЕН, с усмешкой. Не говори в будущем времени. Все уже знают.

УЛИЯ. И это единственное, что ты находишь сказать? У твоей сестры есть любовник, любовник, который ей платит, она ходит к нему каждую ночь, а ты ухмыляешься, ты рад тому, что все об этом уже знают?

ОТЕЦ, продолжая курить сигару весьма благородным образом. Я прошу прощения. Но я этого, например, не знал.

Входит Фредерик с бутылками. Улия идёт к нему, крича, как бы взывая о помощи.

УЛИЯ. Фредерик! Фредерик!

ФРЕДЕРИК. В чём дело?

УЛИЯ. Уедем немедленно.

ФРЕДЕРИК. Почему?

УЛИЯ. Позови свою мать, она на кухне, скажи ей, что ты болен, скажи, что нужно уехать, скажи ей всё, что угодно, но едем немедленно.

ФРЕДЕРИК. Вы поссорились?

ЛЮСЬЕН. Мы? Отнюдь.

ОТЕЦ. Оставьте! Этот ребёнок – комок нервов.

УЛИЯ, прячась у него в объятьях. Фредерик, ты сильный. Ты идёшь по жизни, как турок, смеясь, находя, что всё хорошо, всё легко. Фредерик, ты - ясный, ты ничего не знаешь. У тебя, с детства есть мама, которая журит тебя и холит в твоём чистом домике. Ты не можешь знать... Я буду такая же, как она, Фредерик, я буду такая же, как она, клянусь тебе. Я доставлю тебе такое же счастье, какое доставляла тебе она, когда ты был маленьким мальчиком. И всегда, возвратившись домой, ты найдёшь все предметы и чувства на своих местах.

ФРЕДЕРИК, укачивая её. Да, Улия.

УЛИЯ. А, когда у нас будет ребёнок, у него будет настоящая мама, какая была у тебя, мама в фартучке, с пирогами и оплеухами, и день за днём, как тиканье часов, будет похож один на другой... И нет ничего другого - я это знаю, иначе только беспорядок, только грязные слова и холодные вечера в пустом доме, и ещё стыд.

ФРЕДЕРИК, нежно. Да, Улия!

ОТЕЦ. Нежная девочка! Ах! Любовь! Любовь... Я был таким же, обеспокоенный, подозрительный, раздражительный, нервный... Мне казалось, что меня не достаточно любят... И, тем не менее, Бог знает! (Делая движение рукой, кричит, обращаясь к Улии.) Я обожаю тебя, крошка, обожаю! Не плачь, это бросается в глаза.

УЛИЯ, прижавшись к Фредерику. Уедем, Фредерик, мне страшно.

ФРЕДЕРИК, улыбаясь. Чего ты боишься? Ты с турком. Ты не должна ничего бояться. Ну же. Вытри глаза, будь благоразумна, улыбнись.

УЛИЯ, стараясь улыбнуться. Я не могу, мне слишком страшно.

Входит мать Фредерика. Всё ещё в шляпе, надев поверх шёлкового платья фартук, она ошпыивает курицу.

МАТЬ. Улия! Нам всё-таки удастся приготовить достойный обед. Я пой-мала в саду курицу...

Люсьен и отец замирают в шоке.

ЛЮСЬЕН, поднимаясь, визжит. Леон! Она казнила Леона!

МАТЬ, глядя на птицу. Леон? Кто такой Леон?

ОТЕЦ, тоже вставая, в ужасе. Вот чёрт подери! Выйдет потеха...

ЛЮСЬЕН, кричит, как сумасшедший. Совершенно покушение на Леона! Леон был зарезан свекровью! Момент неслыханный! Минута уникальна! JEAN ANOUILH ROMEO ET JEANNETTE 17

МАТЬ. Но, в конце концов, курица есть курица! Завтра я пришлю вам ещё пару и покрупнее.

ЛЮСЬЕН. Она говорит, что курица есть курица! Она говорит, что Леон – это курица! Она совершенно не отдаёт себе отчёт в том, что она совершила!

УЛИЯ. Уверю тебя, Люсьен, что твои шутки никого не смешат!

ЛЮСЬЕН. Речь не идёт о том, чтобы смеяться! Никто здесь не желает смеяться! Посмотри на отца!

ОТЕЦ, кажется, теряя хладнокровие. Хладнокровие! Больше выдержки! Нельзя ли его оживить? Сделаем ему искусственное дыхание...

ЛЮСЬЕН. Слишком поздно, из него вытекла кровь. Я вижу, как Леон ис-текает кровью. Леон погиб в нечестивых руках. А мы здесь, вроде ан-тичного хора - бессильного, мертвенно бледного, безголосого...

МАТЬ. Заставьте этого сумасшедшего замолчать, наконец, ничего не понятно!

ЛЮСЬЕН, декламирует, стоя на диване, всё ещё во фраке. Слишком поздно, мадам, слишком поздно! Над нами сгущаются тучи. Прислушай-тесь! Чу, я слышу, как скрипит калитка, под каблуком пискнули игол-ки сосны. Судьба вот-вот разразится над этим домом! Она разразит-ся, дети мои, поверьте, что-то говорит мне, что она обязательно разразиться!

В глубине сцены появляется Жаннетта. Увидев в руках матери Фредери-ка ощипанную птицу, она останавливается. Всё смотрят на Жаннетту, а та смотрит только на петуха в руках свекрови. Люсьена шепчет в ти-шине...

ЛЮСЬЕН. Вот и всё... разразится...

Жаннетта внезапно идёт на свекровь. Отец бросает сдавленным голо-сом...

ОТЕЦ. Доченька, будь вежливой!

Жаннетта вырывает из рук женщины петуха, прижимает его к груди, сжав зубы, страшная. Она говорит, как во сне, едва слышно...

ЖАННЕТТА. Это ещё кто такая? Что она тут делает с фартуком на живо-те и руками в крови?

ОТЕЦ. Всё объяснится, доченька... это ужасное недоразумение.

ЖАННЕТТА. Кто это такая... вся чёрная, с низким лбом, злыми глазами и приличным видом? Кто привёл её сюда в этой вдовьей шляпе, с серь-гами и обручальным кольцом на руках душегуба?

УЛИЯ. Жаннетта, я тебе запрещаю! Это мать моего жениха.

ЖАННЕТТА, не прекращая смотреть на мать. Ах, это мать твоего жени-ха? Ах, ты мне запрещаешь? А ты запретила ей, когда она схватила моего петуха?

УЛИЯ, кричит. Тут хоть шаром покати, чья это вина?

ЖАННЕТТА, кричит, на неё не глядя. Были банки горошка, сардины у лавочника! Я сказала папе купить.

ОТЕЦ, изображая удивление. Мне? Ты мне это сказала? На какие день-ги?

ЖАННЕТТА, не слыша его, продолжает. Нужно только, чтобы твоя свек-ровь хорошо поела, оказав семье честь! Нужно, чтобы она отупела к кофе и сидела, вежливо отрыгивая в корсаж. Вот в чём заключается гостеприимство! Так что она помчалась вслед за ним с тесаком, а вы позволили ей это сделать. (Повернувшись к отцу, как фурия.) Ты по-зволили ей это сделать! Ты такой трус! Могу прекрасно представить себе, как ты тут разливался в любезностях: «Но как же, мадам, но как же так, мадам!» А он тебя знал, он садился тебе на плечо, кле-вал у тебя с ладони!

ОТЕЦ. Я был тут, на диване. Я ничего не слышал. Я курил...

ЖАННЕТТА, прижимая к себе петуха. Я желаю вам всем сдохнуть, как он, чтобы вас закололи в постели. Чтобы вам было страшно, как было страшно ему!

УЛИЯ. Жаннетта, это глупости. Немедленно замолчи!

ОТЕЦ, обращаясь к матери. Простите её. Это ребёнок. В глубине души она прекрасна. Нужно только поближе познакомиться.

МАТЬ. Познакомиться? Спасибочки, познакомились! (Развязывая фар-тук.) Улинька, я начинаю верить, что вы были правы. Мы могли обой-тись без того, чтобы навещать вашу семью. Фредерик, пойдём. Мы уез-жаем.

Мать Фредерика идёт на кухню. Отец бежит за ней, крича.

ОТЕЦ. А обед? Успокойтесь, свекровушка, успокойтесь... Мы, наконец-то, собрались сесть за стол!

МАТЬ, выходя. Мерси! Мы пообедаем в ресторане. У нас дозволено ку-рей резать.

Отец видит, как та уходит, делая безнадёжное движение рукой...

УЛИЯ, обращаясь к Жаннетте, прежде чем последовать за свекровью. Я тебя ненавижу.

ОТЕЦ, обращаясь к Жаннетте, вне себя. Курица! В конце концов, это курица, как и все остальные, помешанная, ей богу! То, что ты назвала её Леон, причиной являться не может. Он был симпатичный, не спо-рю... мы все симпатичные, но это не мешает нам в один прекрасный день откинуть копыта!

Он тоже выходит. На сцене остаётся только Жаннетта, не двигаясь, она всё ещё прижимает к груди петуха. Люсьен по-прежнему стоит на диване. А Фредерик, с тех пор, как вошла Жаннетта, не открываясь смотрит на неё. После шума воцаряется тишина. Внезапно Фредерик, не двигаясь, нежно говорит...

ФРЕДЕРИК. Прошу у вас прощения. (Жаннетта бросает на него взгляд, он улыбается.) Однако ваш отец прав, все мы смертны. Его могла бы задавить машина.

ЖАННЕТТА. Задавить – это не то же самое. Я уверена, что ему было страшно, я уверена, что, завидев нож, он всё понял. Он был такой умный!

ФРЕДЕРИК, без смеха. Может, у него даже не было времени понять в точности, что от него хотят.

ЖАННЕТТА, мрачно. Нет, я уверена, что он видел, как умирает. Как будто это его вина, что обед не готов. Он думал только о том, чтобы бегать в траве, преспокойно разыскивать червячков, бояться ветра, который шевелит тени. Ах, эти их чрева, зловонные недра, как они пекутся о них! (Смотрит на Фредерика, немного нелепого.) Но кто вы такой? Я вас не знаю, вас тоже.

ФРЕДЕРИК. Я жених Улии.

ЖАННЕТТА, настороженно на него глядя. Ага, значит, вы сын этой са-мой?

ФРЕДЕРИК, улыбаясь. Да. Но не надо быть несправедливой, это не моя вина.

ЖАННЕТТА, с удручённым видом глядя на петуха. Бедный Леон. Он так хотел стать большим грозным петухом. Настоящим петушком масляным гребешком, который всех по утрам будит.

ФРЕДЕРИК. Вы не едите курятину?

ЖАННЕТТА, опуская голову. Ем. Курятину, которой не знаю. Понимаю, что это несправедливо. Я, было, постаралась больше не есть мяса. Но не смогла. Слишком уж хочется.

ФРЕДЕРИК. Это тоже не ваша вина.

ЖАННЕТТА, кивая головой, мрачно. Нет – моя! Когда я буду старой, когда всё пойму, я тоже это скажу, скажу, что ничто и ничья вина. Наверное, хорошо однажды всё принять, всё простить, больше никогда и ничему не противиться. Вы не находите, что стареть – это тянется слишком долго?

ФРЕДЕРИК, улыбаясь. Достаточно набраться немного терпенья.

ЖАННЕТТА. Я не люблю терпенье. Я не люблю ни примиряться, ни допускать. Она, видимо, нарисовала вам про меня, моя сестра.

ФРЕДЕРИК, улыбаясь. Да, много рассказывала.

ЖАННЕТТА. Так вот, всё это правда! И я даже ещё хуже. И всё моя вина. Я – стыд семьи, вам, верно, объяснили, та, которая делает всё то, чего делать не следует. Меня нужно ненавидеть!

ФРЕДЕРИК, улыбаясь. Я знаю.

ЖАННЕТТА. И потом, не надо улыбаться мне, как ребёнку и думать, что ко мне нужно относиться со снисхождением. Я не люблю ни телячьих нежностей, ни когда хнычут. Вы правы. Я ем других куриц, почему бы не съесть и эту, когда она убита уже? Потому что я её любила? Это слишком глупо! Надо отдать её обратно людоедке. (Она идёт к кухне, крича.) Держите, вот вам, пожалуйста, женщины, ваша курица! Ощипите её и палите, если угодно!

Она исчезает. Фредерик поворачивается к Люсьену, который стоял со свойственным ему двусмысленным взглядом, не двигаясь во время всего разговора. Фредерику бы хотелось обратиться к нему весело, но у него этого не получается...

ФРЕДЕРИК. Она удивительная!

Люсьен, ничего не говоря, смотрит на него секунду, потом, делая шаг с дивана, бросает с улыбкой...

ЛЮСЬЕН. Да. Она ещё не перестала вас удивлять.

Фредерик, в свою очередь, удивлённый, смотрит на Люсьена.

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Та же обстановка, только в доме убрано. Вечер после ужина. Комната уже полнится тенями. В глубине, на кухне мать Фредерика и Улия заняты своими обязанностями. В кресле, с потухшей сигарой в руке, спит отец. Фредерик и Жаннетта сидят далеко друг от друга, каждый со своей стороны стола, который наполовину уже убран, и смотрят друг на друга. Дальше, опершись на застеклённую дверь, стоит Люсьен, созерцая небо. Отец начинает громко храпеть. Люсьен свистит казарменный сигнал на подъём. Фредерик и Жаннетта поворачиваются к отцу и впервые улыбаются друг другу. Настенные часы бьют половину какого-то часа. Их улыбка стирается с лица. Фредерик спрашивает...

ФРЕДЕРИК. Поезд в половине одиннадцатого?

ЖАННЕТТА. Да.

ФРЕДЕРИК, после паузы. Как быстро пролетел этот день.

ЖАННЕТТА. Да.

ФРЕДЕРИК. Когда мы теперь ещё встретимся?

ЖАННЕТТА. В день свадьбы.

Пауза. Двинувшись, Люсьен уходит в ночь. Слышно, как он, удаляясь, насвистывает позывные комендантского часа.

ФРЕДЕРИК. Такое впечатление, что это вечер из далёкого будущего, когда мы с Улией приедем сюда на несколько дней. Всё будет так же... Ваш папа заснёт в кресле с потухшей сигарой. Улия будет хло-потать на кухне. Мы забудем включить лампу, как сегодня вечером, и будем слушать, как наступает ночь.

ЖАННЕТТА. Вы никогда больше сюда не вернётесь, вы прекрасно об этом знаете.

ФРЕДЕРИК. Почему?

ЖАННЕТТА. Улия этого не захочет.

ФРЕДЕРИК, после паузы. Тогда, напротив, это вечер из далёкого про-шлого. Старый вечер, который никак не перестанет жить. Мы, должно быть, очень старые в этот момент, пожилые и повреждённые жизнью, мы не видели друг друга в течение многих лет, и вот вспоминаем этот вечер, когда никто и не подумал включить лампу, а мы сидим в ожида-нии, не зная чего.

ЖАННЕТТА, поднимаясь, кричит. Я лично не помню. Ненавижу воспомина-ний. Это слишком трусливо, слишком бесполезно.

ОТЕЦ, опомнившись, просыпается, стараясь делать вид, что не спал. Что ты говорила, доченька? Я не совсем понял.

ЖАННЕТТА. Ничего, папа. Я ничего не сказала. Спи.

ОТЕЦ, вновь засыпая. Я не сплю. Я всё слышу.

ЖАННЕТТА, за его спиной, очень тихо, чтобы тот не услышал, с блуж-дающим взглядом. Ну, тогда, папа, слушай, если ты всё слышишь. Слу-шай во все уши, слушай, что скажет тебе твоя дочь. Плохая дочь. Не та. Другая никогда не говорит стыдных вещей, вещей, которые обжига-ют походя. Она всегда всё хорошо делает, твоя другая дочь, и это ей зачтётся. Она будет счастлива. Ей не нужны будут напоследок воспо-минания одного вечера, у неё будет право на все вечера, на все дни, на всякую минуту, на всю жизнь. И это не закончится с её смертью, но в память обо всей её жизни, она будет пребывать вечно рядом со своим добрым Богом.

ФРЕДЕРИК, поднимаясь. Замолчите!

ЖАННЕТТА, начинает с крика. Нет, я не замолчу! (Потом, в смятении, говорит тихо.) Почему вы хотите, чтобы я вам подчинялась, кто вы мне?

В этот момент старик, одетый в тёмную накидку, появляется на пороге с телеграммой в руке. Он кричит...

ПОЧТАЛЬОН. Детки! Детки!

ОТЕЦ, поворачиваясь в кресле, во сне. Почта, дети, почта! Это поч-тальон!

ЛЮСЬЕН, появляясь из темноты, спешит к почтальону. Это ты, почталь-он? Для меня?

ПОЧТАЛЬОН. Нет, малыш. Для твоей сестры. Телеграмма, по ночному та-рифу.

ЛЮСЬЕН. А когда будет для меня?

ПОЧТАЛЬОН. Когда я что-нибудь для тебя получу, малыш.

Он исчезает в ночи. Слышно, как дребезжит колокольчик калитки, Люсьен подходит к Жаннетте и отдаёт ей телеграмму.

ЛЮСЬЕН. Держи... по ночному тарифу, моя дорогая. Значит, есть неот-ложное тебе сообщить. (Пауза. Он ждёт. Жаннетта берёт телеграмму, но не открывает её.) Ты не смотришь?

ЖАННЕТТА. Нет. Я знаю, что там написано.

ЛЮСЬЕН, с гримасой любопытства. Тебе повезло! Я бы очень хотел уз-нать...

Выпив залпом стакан вина, он уходит, насвистывая армейскую мелодию.

ФРЕДЕРИК, тихо. Что это за телеграмма?

ЖАННЕТТА. Ничего особенного.

ФРЕДЕРИК. Почему вы её не открываете?

ЖАННЕТТА, рвёт телеграмму, не читая. Я заранее знаю, что в ней.

ФРЕДЕРИК. Вы, впрочем, правы. Разве меня это касается? Я знаю вас все лишь с сегодняшнего утра и через час уеду.

ЖАННЕТТА. А через месяц вы женитесь на моей сестре.

ФРЕДЕРИК. Да. (Они смотрят друг на друга.)

ЖАННЕТТА, после паузы. Это телеграмма от моего любовника.

ФРЕДЕРИК. Человек, который шёл за нами сегодня в лесу?

ЖАННЕТТА. Вы его видели? Нет, тот бедолага не позволил бы себе мне написать. Он вообще, наверное, писать не умеет. Это другой, который думает, что у него есть права. Другой, к нему я прихожу каждый вечер.

ФРЕДЕРИК. Он вам пишет потому, что сегодня вечером вас не увидит.

ЖАННЕТТА. Ни сегодня вечером, ни вообще никогда. Я велела отнести ему утром записку, что я его больше никогда не увижу.

Пауза. Фредерик с усилием спрашивает.

ФРЕДЕРИК. Почему вы его бросаете?

ЖАННЕТТА. Потому что я его не люблю. Потому что мне вдруг с ним быть стыдно.

ФРЕДЕРИК. А вчера?

ЖАННЕТТА. Вчера мне было всё равно. Всё мне вчера было всё равно... иметь любовника, как он, бегать с голыми ногами в рваной юбке, быть некрасивой.

ФРЕДЕРИК. Вы не некрасивая.

ЖАННЕТТА. Я - некрасивая. Улия красивее меня. Улия чистая, а я знаю, чего стою. Тот, кто за нами шёл, тоже был моим любовником, я и его не люблю. С пятнадцати лет у меня были и другие любовники, и я их тоже не любила.

ФРЕДЕРИК. Зачем вы специально себя мараете?

ЖАННЕТТА. Чтобы вы меня ненавидели, чтобы вы уехали сегодня, нена-видя меня, чтобы вы женились на Улии, меня ненавидя.

ФРЕДЕРИК. Вы прекрасно знаете, что я не смогу.

ЖАННЕТТА, нежно. И затем тоже, чтобы вы никогда не смогли забыть, как я вам в темноте мой стыд высказывала.

ФРЕДЕРИК, после паузы. Нехорошо говорить всё время нарочно.

ЖАННЕТТА. У меня есть только вечер, даже не вечер, один час, даже теперь меньше часа, а потом, всё остальное время, чтобы молчать.

ФРЕДЕРИК. Зачем так говорить, если мы ничего не можем?

ЖАННЕТТА. Завтра – ничего... нет, ничто - на всю жизнь, но в течение часа, если те женщины нам позволят, ещё кое-то возможно. Час – это долго, когда только он и остался.

ФРЕДЕРИК. Что мы можем?

ЖАННЕТТА. Высказать своё невезение. Ничтожное чёрное невезение нас обоих, так как потом нужно будет замолчать навсегда. Сказать себе хорошенько, что это так глупо - обмануться всего на один день, ошибиться на одну только минуту, и - навсегда.

ФРЕДЕРИК, кричит. Но ещё утром я любил Улию!

ЖАННЕТТА. Да, и вы, несомненно, любите её до сих пор. И вы уедете с ней очень скоро, в любом случае. И будете принадлежать ей всю жизнь. Я позволяю себе это говорить, потому что она богаче меня.

ФРЕДЕРИК. Улия - хорошая, нельзя, чтобы ей было больно.

ЖАННЕТТА. Я это знаю. Я также знаю, что моя печаль слишком новая, она столько не весит. И воспоминание обо мне должно поблекнуть со временем, как старая фотография. Я знаю, что однажды вы не сможете в точности вспомнить мои глаза – вы так мало на них смотрели, и по-том, в другой день, в день рождения первого сына Улии или в его крестины - сможете окончательно их позабыть.

ФРЕДЕРИК, глухо кричит. Нет.

ЖАННЕТТА. Да. Вот почему я позволяю себе всё это сказать. Я говорю, как те, которые должны умереть. И не во имя достойной цели, а со стыдом, впрочем, не слишком жалуюсь.

ФРЕДЕРИК. Да, я скоро уеду с Улией и женюсь на ней. Но я вас нико-гда не забуду. (Пауза.)

ЖАННЕТТА, спокойно, с закрытыми глазами. Нужно, как это делают ни-щим, сказать вам спасибо, не так ли? (Ещё пауза.)

ФРЕДЕРИК. Это смятение, эта тревога, которая нами сегодня овладела, должно быть, не любовь, это невозможно... но я теперь никогда не смогу стереть их из памяти.

ЖАННЕТТА, стиснув зубы. А я смогу. Завтра же. Клянусь вам!

ФРЕДЕРИК. Вы сможете?

ЖАННЕТТА. Нужно, чтобы смогла! Очень нужно, чтобы я вырвала эту боль - тут же, как звери выдирают зубами колючку из лапы. Я не хочу любить с пустыми объятьями. Я не хочу любить одного, обнимая другого.

ФРЕДЕРИК. Но мы не любим друг друга! Мы даже не знаем друг друга!

ЖАННЕТТА, кивает головой. Правда, я, должно быть, вас не люблю, я вас слишком сильно ненавижу. Зачем вы явились сюда? Не могли же-ниться на вашей Улии там, чтобы я об этом не знала? Вчера я смея-лась, вчера у меня был любовник, и я не была уверена, люблю ли я его или нет, и мне это было безразлично. Он говорил мне, что любит, и вчера меня это ещё развлекало.

ФРЕДЕРИК. Почему вы ему написали, что бросаете его сегодня вечером?

ЖАННЕТТА. Просто так. Чтобы быть свободной, когда буду с вами про-щаться. И если бы я смогла оставить также других, тех, которые были прежде, и стереть с себя следы их рук, я бы и это сделала.

ОТЕЦ, ворочаясь в кресле, вздыхает во сне. Да, конечно, не я плачу!

ФРЕДЕРИК, невольно улыбаясь. Что ему снится?

ЖАННЕТТА, тоже улыбаясь. Не знаю. Может быть, свадебный ужин... Бедный папа! Когда Люсьен тоже уедет, мы останемся вдвоём. Странная парочка!

Они подходят, чтобы рассмотреть отца.

ФРЕДЕРИК, нежно. Я прошу у вас прощения.

ЖАННЕТТА, улыбаясь. За что? Вы уже попросили у меня сегодня утром прощения ни за что, во время истории с курицей... В конце концов, всё это справедливо. Противоположное было б ужасно. Улия – настоящая женщина, а не я. Вы любите её уже долго, а меня только с сего-дняшнего утра, да в этом и нельзя быть слишком уверенным. Я сума-сшедшая, что об этом заговорила. Истории, как наша, должны случать-ся каждый день, однако, люди удовлетворяются лишь тяжёлым вздохом, думая: «Как жаль, что это так поздно!», а потом смотрят на себя странными глазами в течение долгих лет. Это вводит в семьи тайну...

Слышно, как Люсьен свистит во дворе. Он появляется за их спиной.

ЛЮСЬЕН. Ну что, дети? Смотрите, как папа посапывает? (Подходя.) По вам не бежит дрожь, когда вы видите этот труп с разинутым ртом? Ка-кой у него удивлённый вид! Ах вот, мол, что такое жизнь? Нужно было предупредить заранее! Слишком поздно, дорогой друг, слишком поздно. Спите. Получите гонорар смерти. Только не храпеть, иначе я засвищу, мне нравятся скромные покойники. (Глядя на них.) Вы не слишком ску-чаете вдвоём, одни? (Бросив взгляд на женщин, которые ходят по ос-вещённой кухне.) Посмотрите на них, муравьи! И вот оно трёт, приби-рает там, на кухне, им кажется, что они держат истину, как ручку кастрюли, и сомнений у них никаких! Они обе нас ненавидят, зная, что грязь наша только увеличится, начиная с завтрашнего дня, а они, может, и поезд пропустят из-за этого - не важно, главное, чтобы не сказали, что кухня осталась невытой... Каждый хранит свою честь там, где может, не правда ли? Куда ты засунешь свою, Жантон? (Пау-за. Ему не отвечают, он наливает себе стакан вина.) Обожаю домашних хозяек! Это образ смерти. Как забавны, глядя со стороны, эти несча-стные, они трут неустанно один и тот же уголок день за днём в тече-ние всей жизни, но каждый вечер их побеждает одна и та же пыль... А сама хозяйка стирается, усыхает, морщится, портится, искривляется и однажды вечером падает после очередной уборки без сил... Однако в тот же уголок, который не двинулся с места (не глупо ли!) на сле-дующий день садится новый слой пыли. В этот раз наверняка. (Потяги-ваясь, зеваает, опять пьёт.) Верно и то, что если бы они ничего не делали, то чем бы им было заняться? Любовью? (Поднимается.) Все не могут заниматься любовью, это было бы несерьёзно. Не правда ли, до-рогой зять? (Слышно, как Люсьен усмехается в тени, и больше его не видно. Уходя в сад, он свистит вызов дежурных сержантов.)

ФРЕДЕРИК, глухо. Он думает, что любовь – это не ежедневная борьба?

ЖАННЕТТА, с несколько усталой улыбкой. Если это борьба, то не такая трудная, как сегодня... иначе я не выдержу.

ФРЕДЕРИК, тоже с усталой улыбкой. Да. День был трудным. (Пауза.) А впереди ещё ночь. А потом ещё нужно проснуться.

ЖАННЕТТА. Я как плохая девочка натяну одеяло до самых глаз и не вы-лезу из постели. Папа придёт немного покричать под дверью, а потом сам разогреет вчерашний кофе. Позднее, ближе к полдню, я услышу, как он кричит, так как не может найти нож, чтобы открыть банку сар-дин. А я буду играть в покойника до самой ночи.

ФРЕДЕРИК. Если убьёшь первый день – то будут другие. (Кричит.) Я не смогу! (Жаннетта на него смотрит.) Я хочу бороться, но не против той части меня, которая сейчас кричит. Я хочу драться, но не с этой радостью. (Глядя на неё.) Ах, как вы далеко на том краю стола! Как вы были далеки от меня весь день...

ЖАННЕТТА. Так было нужно. Чтобы произошло, если б вы только косну-лись меня?

ФРЕДЕРИК. Мы боролись весь день, чтобы не дотронуться друг до дру-га, мы даже не смели друг на друга взглянуть. Пока другие разгова-ривали, мы катались по земле, задыхаясь, не сделав ни одного движе-ния... Ах, как вы всё ещё далеко. И, тем не менее, вы никогда не будете настолько близко.

ЖАННЕТТА. Никогда.

ФРЕДЕРИК. Больше никогда, даже в мыслях... Так не должно быть, не правда ли, если мы хотим быть сильнее? Нельзя, чтобы мы вообразили себя в объятиях друг друга...

ЖАННЕТТА, закрая глаза и не двигаясь. Завтра будет нельзя. Но сего-дня, этим вечером - я ваших объятиях.

Пауза, потом Фредерик тоже вздыхает.

ФРЕДЕРИК, закрыв глаза. Я больше не мог... Ах, не двигайтесь. Это вдруг так хорошо, что не может быть, чтобы мы делали что-то плохое.

Глаза Жаннетте тоже закрыты. Они будут вот так говорить, издалека, не двигаясь.

ЖАННЕТТА. Да, хорошо. (Ещё пауза.)

ФРЕДЕРИК, выдыхая. Значит, это возможно. Как воды напился. Как буд-то меня мучила жажда.

ЖАННЕТТА. Меня тоже мучила жажда. (Пауза.) Может быть, теперь их надо позвать. Разбудить папу или выйти вместе с Люсьеном, только чтобы с нами был кто-нибудь.

ФРЕДЕРИК, внезапно кричит. Подождите! Мне слишком больно. Я тоже не знал, что это такое, когда больно. (Открывая глаза, делает шаг.) Кто этот человек?

ЖАННЕТТА. Какой человек?

ФРЕДЕРИК. Ваш любовник.

ЖАННЕТТА, отступая немного в тень. Какой любовник? У меня нет лю-бовника.

ФРЕДЕРИК. Вы только что мне об этом сказали. Что это за мужчина, к которому вы ходили каждый вечер?

ЖАННЕТТА, кричит. Кто вам сказал, что я ходила к нему каждый вечер? Вы слушаете, что вам говорят другие?

ФРЕДЕРИК. Вы сами мне это сказали.

ЖАННЕТТА. Я вас обманула! Это неправда. Вы мне поверили? У меня не-ту любовника.

ФРЕДЕРИК. Зачем вы тогда это сказали? Я всему верю.

ЖАННЕТТА. Чтобы вы меня слушали. Вы думает только о том, чтобы ус-кользнуть. Вы стараетесь изо всех сил меня не любить!

ФРЕДЕРИК. Что было в телеграмме?

ЖАННЕТТА. В какой телеграмме?

ФРЕДЕРИК. Которую вы только что разорвали.

ЖАННЕТТА. Вы меня пугаете. Такое впечатление, что вы – судья. Вы помните, что я получила телеграмму и что я её порвала. Вы обо всём помните.

ФРЕДЕРИК. Да, раньше я всё забывал... названия улиц, номера, ос-корбления, лица. Улия надо мной посмеивалась. Теперь я ничего не забываю. Всё на своих местах, под этикеткой, с вопросительным зна-ком. Какая изнуряющая ответственность - жить! Что было в телеграм-ме, отвечайте.

ЖАННЕТТА. Как вы хотите, чтобы я вам ответила? Вы же видели, что я её разорвала, не прочитав.

ФРЕДЕРИК. Подберите на полу кусочки и прочитайте.

ЖАННЕТТА. Я больше не знаю, где они.

ФРЕДЕРИК. А я знаю - под вашими ногами.

ЖАННЕТТА. Здесь слишком темно, я прочесть не смогу.

ФРЕДЕРИК. Зажгите свет.

ЖАННЕТТА, кричит. Ах нет, пожалуйста, не зажигайте! Не заставляйте меня читать. Не заставляйте смотреть вам в лицо. Лучше поверьте мне. В темноте легче будет поверить.

ФРЕДЕРИК. Но я только того и хочу, чтобы вам верить! Верить вам, как ребёнок, как негр. Всё вопит во мне, так я хочу верить вам. Разве этот крик не слышен снаружи? Только я больше не могу. Вы все-гда лжёте.

ЖАННЕТТА. Да, я всегда вру, но мне всё равно нужно верить. Я не го-ворю настоящей лжи. При другой раскладке всё могло бы оказаться правдой. Да, пожалуйста! Ваша роль настолько легче. Вам нужно про-сто захотеть.

ФРЕДЕРИК. Я хочу, хочу, как во всех моих мечтах, но я не могу. Кто вам послал телеграмму?

ЖАННЕТТА. Видите, вы всё ещё задаёте вопросы, так что я должна вам врать, чтобы выгадать время!

ФРЕДЕРИК. Зачем вам выгадывать время?

ЖАННЕТТА. Всё так хрупко. Ещё слишком рано говорить. Завтра мы друг друга узнаем. Завтра мы, может быть, будем сильнее слов... Ах, если бы вы только подождали, если бы только повременили немного. Я такая бедная перед вами сегодня вечером. У меня так мало всего. Настоящая нищенка. Продайте несчастной копеечку, копеечку молчания.

ФРЕДЕРИК, глухо. Я не могу.

ЖАННЕТТА. Тогда задавайте мне другие вопросы... спросите, почему я дрожу, говоря с вами, почему, обманывая вас, плачу, почему я так путаюсь, я - такая в себе уверенная, которая с другими - смеётся!

ФРЕДЕРИК. Я не могу. Я хочу знать, кто такие другие, хочу знать, что может причинить мне боль.

ЖАННЕТТА, с безнадежным жестом, кричит. Тогда, тем лучше, вы сами этого хотели! Берите меня или оттолкните вместе с моим стыдом. Нуж-но, чтобы вы теперь несли половину. Я больше не могу быть одна.

Нужно всё разделить. Всё это было правдой, да, у меня есть любов-ник, это он написал мне, верно, умоляя его не бросать... И у меня до него были другие любовники, без любви, без ощущения того, что на земле есть мальчик, которого я ещё не знаю, но уже ворую. Вот. Те-перь вы всё знаете, и потом, чтобы защититься, я умею только на-врать. (Пауза.) Вы ничего не говорите, стоите рядом со мной, и я слышу, как вы в тени дышите, чувствую, как в эту минуту Улия должна высвечивать внутри вас яркое большое пятно. Но вы никогда не сможе-те любить её так же, как эту вот вруню, не правда ли? (Тише.) И, тем не менее, со стыдом, историями и моей злобой в сердце, я сейчас перед вами как невинная девушка, которой другие никогда не узнают – без цветов и светлой вуали, без невинности и ребятишек, чтобы нести за ней свадебный шлейф, невеста вся в чёрном... (Ещё тише, насколько это возможно.) И вся целиком ваша, если вы соизволите на неё по-смотреть.

Сделав шаг, Фредерик обнимает её и целует. Вскрикнув, как раненный зверёк, Жаннетта убегает. Фредерик, не двигаясь, остаётся в мрачной комнате один. Входит его мать и зажигает люстру, которая освещает комнату грустным светом. МАТЬ. Здесь ничего не видно. Что ты делаешь в темноте? (Убирая ка-кие-то предметы в буфет.) Вот так. Их кухня никогда не была такой чистой. Бедная Улия! У неё слезы были на глазах... Я её понимаю. Она так мало на них похожа. Ах, я осталась тут утром только из-за неё. Слава Богу, теперь всё кончено! Мы сделали то, что следовало, теперь все втроём уедем и больше не увидим их никогда. Что с тобой? Ты такой бледный. Ты устал?

ФРЕДЕРИК. Нет, мама.

МАТЬ. Это из-за освещения. (Глядя на отца.) Спит, старый бандит. Из трёх он ещё самый безобидный. Ты видел ту, которой хватило наглости бросить нас с Улией всем заниматься? Мы постараемся сделать так, чтобы она не пришла на свадьбу. Улия думает так же, как и я. Бедная Улия! Она уже слишком пострадала из-за этой. Теперь довольно. (Воз-вращаясь к кухне, кричит Улии, которую видно в глубине.) Нужно ос-тавить остальное, если мы не хотим опоздать на поезд!

Она пропадает на кухне вместе с Улией. Фредерик не двигается с мес-та. Отворяется дверь, появляется Жаннетта. Жаннетта и Фредерик те-перь будут говорить в полголоса, как преступники.

ЖАННЕТТА. Что будем делать?

ФРЕДЕРИК. Нужно ей сказать.

ЖАННЕТТА. Теперь, когда я богаче её, мне стыдно. Сами её позовите.

ФРЕДЕРИК, говорит почти шёпотом. Улия.

ЖАННЕТТА. Громче. Она не может услышать... (Кричит.) Подождите! То, что мы делаем – это нехорошо.

ФРЕДЕРИК. Да, это плохо.

ЖАННЕТТА. Никто никогда не сможет понять, никто нас не простит, не правда ли?

ФРЕДЕРИК. Нет, никто.

ЖАННЕТТА. Мы тут, как два убийцы, которые не смеют смотреть друг другу в глаза. Но будет ещё хуже, если мы ничего не скажем.

ФРЕДЕРИК. А завтра будет уже поздно. (Зовёт ещё слишком тихо.) Улия.

ЖАННЕТТА, целуя его. Подождите! Она вас потеряет. Вы никогда больше не будете в её объятьях. Я стараюсь представить себе, что это та-кое, когда в объятьях нет никого.

ФРЕДЕРИК. Это было раньше.

ЖАННЕТТА, вскрикивая. Я уже не помню, что было раньше! Ах, как нам вдвоём хорошо! Когда это было? Это было вчера, когда мы ещё друг друга не знали?

ФРЕДЕРИК. Я больше не помню. Нужно позвать её.

ЖАННЕТТА. Подождите! (Кричит.) Ах, если бы вы могли никогда её не знать! Если бы вы смогли узнать меня первой! Я до вас дотрагиваюсь, по-настоящему, рукой. Прости, Улия, что от этого так хорошо!

ФРЕДЕРИК, глядя вдаль прямо перед собой. Не нужно просить у неё прощения, не нужно пытаться ей объяснить. Нужно быстро сказать, как ударяют ножом. Внезапно убить и бежать.

ЖАННЕТТА. Как вы её ещё любите!

ФРЕДЕРИК. Да. (Зовёт на этот раз громче.) Улия!

УЛИЯ, появляясь в дверях кухни с тряпкой в руках. Ты меня звал?

ФРЕДЕРИК, тише. Да, Улия.

Фредерик и Жаннетта отпустили друг друга, они стоят рядом, смотрят прямо перед собой. Входит Улия, смотрит на них.

УЛИЯ. В чём дело?

ФРЕДЕРИК. Вот в чём дело, Улия. Будет трудно это сказать, и ты, на-верное, понять этого не сможешь. Я, Улия, не женюсь на тебе.

УЛИЯ, оторопев, кладёт тряпку на стул, глядя на Жаннетту. Что она тебе сказала?

ФРЕДЕРИК. Она ничего не сказала. Ты не можешь понять. Ты никогда не сможешь узнать, никогда. Это не наша вина. Мы оба боролись с утра.

УЛИЯ. Вы боролись? Кто это - вы?

ФРЕДЕРИК, делая движение. Мы вдвоём. Ты уедешь с мамой, Улия, а я останусь.

УЛИЯ. Где ты останешься?

ФРЕДЕРИК. Или, если ты думаешь, что лучше остаться тебе, тогда мы уедем.

УЛИЯ. Но кто это «мы»? (Они не отвечают, она говорит тише.) Вы хо-тите меня испугать, да? А сейчас будете смеяться. Или вы хотите, чтобы я засмеялась первой? (Неловко пытается смеяться, но, глядя на них, перестаёт.)

ЖАННЕТТА, нежно. Я доставлю тебе боль, Улия. Мы друг друга ненави-дим с самого детства. Но сегодня я хочу быть с тобой смиренной. Мне сегодня хотелось бы быть твоей служанкой.

УЛИЯ. Прекрати говорить так ласково, ты путаешь меня!

ЖАННЕТТА. Мы всегда ссорились, по поводу игрушек, тряпок. А сегодня я хотела бы отдать тебе всё, что у меня есть. Но у меня ничего не-ту, только дырявые платья, которые я отдать тебе не могу. Мне бы хотелось стать некрасивой, чтобы тебе было не так больно, изуродо-вать себе лицо, обрезать волосы. Но некрасивой я быть не хочу из-за него.

УЛИЯ. Думаешь, он может тебя любить? Ты представляешь собой всё то, что он ненавидит в этом мире.

ЖАННЕТТА, смиренно. Да, Улия.

УЛИЯ. Ты – беспорядок, ты – ложь, ты – лень.

ЖАННЕТТА. Да, Улия.

УЛИЯ. Он - такой чистый, такой требовательный, у него есть честь! Любить тебя? Ты рассказала ему о своих любовниках?

ЖАННЕТТА. Да, я ему рассказала.

УЛИЯ. И о последнем, который тебе платит, ты о нём говорила? Я уверена, что ты умолчала о нём.

ЖАННЕТТА, кричит, внезапно преображённая. Спасибо, Улия!

УЛИЯ. За что спасибо?

ЖАННЕТТА. Наконец-то ты обозлилась!

УЛИЯ. Вы, значит, надеялись, что я не буду защищаться? Она тебя обольстила? Она потёрлась об тебя, как об других? Она дала тебе гу-бы в углу, или, может, даже лучше того - в дюнах?

ФРЕДЕРИК, кричит. Мы никогда не были с глазу на глаз, мы даже вме-сте не говорили!

УЛИЯ. Ах, ей не нужно много времени и длинных речей. Спроси её, как она раньше делала, вечерами, с рыбаками у лодок. На сетях, прово-нявших рыбой.

ЖАННЕТТА. Спасибо, Улия, спасибо!

УЛИЯ. Оставь при себе свои благодарности, воровка!

ЖАННЕТТА. Теперь, когда ты защищаешься, мне больше не стыдно! Спа-сибо, Улия!

ФРЕДЕРИК, желая отвести её в сторону. Замолчите! Оставьте её!

ЖАННЕТТА. Ты могла бы заплакать, неожиданно утопиться, тогда бы мне было тебя жаль, но ты стала защищаться, как любая женщина, которую обокрали!

УЛИЯ. Воровка, да - воровка!

ФРЕДЕРИК. Прекратите, обе!

УЛИЯ. Прекратить, мне? Нужно ещё, чтобы я замолчала! Она тебя за-брала, а я должна прекращать?

ЖАННЕТТА. Как ты неловка, Улия! Ты вся чопорная, достойная. Ты ду-маешь только о своей ненависти, думаешь о том зле, которое тебе причиняют. Плачь лучше, поплачь, облегчи душу!

УЛИЯ. Ты будешь слишком счастлива, если я заплачу, не рассчитывай!

ЖАННЕТТА. Плачь! Он только этого и ждёт, чтобы взять тебя назад. Он тебя ещё любит, ты же видишь. Хотя бы посмотри на него!

УЛИЯ. Нет.

ЖАННЕТТА. Но я кричу, я не причёсана, я некрасива! Я ему сейчас не нравлюсь. Он сейчас жалеет о тебе. Плачь, скорее заплачь, Улия!

УЛИЯ. Нет! У меня будет полно времени, чтобы плакать. У меня будут слёзы, когда я останусь одна.

ЖАННЕТТА. Тогда вырви мне глаза! Расцарапай меня, бей, я не буду защищаться! Но сделай что-нибудь некрасивое - ты тоже, чтобы я не была одна! Он думает только о тебе, он тебя только слышит в эту ми-нуту. Сделай что-нибудь некрасивое или я тебя убью, плюну тебе в глаза!

Она бросается на Улию. Сделав ей больно, Фредерик хватает Жаннетту и сильно отталкивает.

ФРЕДЕРИК. Оставьте её теперь. Я так хочу!

ЖАННЕТТА, победительно кричит издалека. Он меня ударил! Видела, как он ударил меня! Меня ударил! Я – его жена!

ФРЕДЕРИК, нежно обращаясь к Улии. Уходи, Улия. Ты больше стоишь, чем она, я уверен, и она, быть может, сделала всё то, что ты сказа-ла, но она говорит правду - теперь она моя жена.

УЛИЯ, поворачиваясь, бежит к кухне, крича. Помогите, мама, помоги-те!

ЖАННЕТТА, закрыв глаза, говорит грубым голосом. Как вы должны меня сейчас ненавидеть.

ФРЕДЕРИК, жёстко, не глядя на неё. Поднимитесь к себе в комнату... соберите всё, что хотите с собой взять и ждите меня у дома.

Жаннетта выходит. Появляется Люсьен.

ЛЮСТЬЕН. Не сделаете же вы этого?

ФРЕДЕРИК. Сделаю. И немедленно.

ЛЮСТЬЕН. Не делайте этого. Это всегда обречено на провал.

ФРЕДЕРИК. Почему?

ЛЮСТЬЕН. Потому что слишком приятно. А всё, что приятно – запреще-но, вы разве не знали? (Наливает себе стакан вина.) Например, вот стакан вина - ничего особенного, греет немного, когда вино впитает-ся в душу... а запрещено. Нужно пользоваться мгновениями невнима-ния. (Пьёт одним махом.) Хоп-ля! Он и не заметил.

ФРЕДЕРИК. Кто это он?

ЛЮСТЬЕН, показывая пальцем вверх. Этот самый, наверху. Всякий раз, когда мы счастливы, он в чудовищной ярости. Ему это не нравится.

ФРЕДЕРИК. Вы пьяны.

ЛЮСТЬЕН. Ещё, к сожалению, нет. Я бываю пьян только позднее, глубо-кой ночью. Вы не сделаете этого, скажите? Это заранее обречено.

ФРЕДЕРИК. Увидим.

ЛЮСТЬЕН. Я лично уже вижу. Вижу вас обоих через неделю, вижу вас через три месяца, через год. Прямо кино перед глазами. Пошлая киношка. Есть ещё время. Идите к Улии и к маме на кухню. Скажите им, что вы бредили.

ФРЕДЕРИК. Я не бредил!

ЛЮСТЬЕН. Посмотрите на меня, старина. Я не похож на нежного челове-ка. Не делайте этого! Только ради Улии.

ФРЕДЕРИК. Я больше не могу думать о ней!

ЛЮСТЬЕН. Любовь – это ничто. Насмешка, ложь, ветер. А Улия просто умрёт. Не делайте этого! Это не стоит той боли, которую она испыта-ет, нет смысла причинять её и себе, но, главное, другим. Любовь – это ничто. Она не стоит и слёзы ребёнка. Не делайте этого!

ФРЕДЕРИК. Я уже всё это себе сказал. Теперь слишком поздно.

ЛЮСЬЕН. Вы не могли себе сказать всего, вы ничего не знаете. А я знаю. Я всё знаю. Я обучен! Моё образование мне дорого стоило! И я всё ещё продолжаю платить. Я купил его в рассрочку и буду выплачивать всю жизнь... Только теперь я могу говорить. У меня диплом по любви! Я получил рогатого доктора! У меня есть авторитет! Не делайте этого, старина, это заранее обречено на провал.

ФРЕДЕРИК. Почему?

ЛЮСЬЕН. По кочану! Потому что это женщина. Потому что мы в мире одиноки. Потому что однажды вечером, через месяц, через год, через десять лет, когда вы решите, что держите вашу подругу в руках, вы заметите, как и все остальные, что держите всего лишь навсегда жен-щину, то есть не держите ничего.

ФРЕДЕРИК. Теперь довольно. Вы тоже, замолчите.

ЛЮСЬЕН. Женитесь на Улии. Пусть у вас будут дети. Станьте мужчиной дела, мужчиной денег, мужчиной, у которого есть хорошая спутница, позднее никто на вас не будет в обиде, станьте настоящим мужчиной. Не стройте умника. Быть счастливым так просто! Существуют формулы, люди потратили века, чтобы довести их до совершенства. Лукавьте, старина, лукавьте со всем, особенно с самим собой. Это единственный способ, чтобы этот самый – там, наверху, оставил вас в покое. У не-го есть слабость к хитрецам, или у него близорукость, или он спит. (Указывая на отца.) Он спит, как вот этот, с открытым ртом, и когда мы не слишком шумим, то оставляет нас в покое... Однако у него есть нос и превосходное обаяние, так что он чувствует запах, один только запах любви. А этого он не любит, совсем не любит этого – нашу лю-бовь. Тогда он просыпается и берёт всё в свои руки. И всё идёт к чёрту, как в армии. Кру-гом! Не прикидывайся дураком, умник! Не лю-бит он лихие головы! За нами следят! Будете рогоносцем! Как? Что? Вы не довольны? Помрёте от этого! Будете знать! Смерть! Смерть! Смерть! Смерть! Вы читали страничку из военного устава, где призыв-нику обещают гибель под любым соусом? Вот что такое любовь!

ЖАННЕТТА, появляясь в пальто и в берете, с небольшим узелком. Ну вот. Я готова.

ФРЕДЕРИК. Пойдёмте.

Фредерик берёт её за руку, они выходят из дома и погружаются в ночь. Люсьен не двигается с места, потом выливает себе остатки ви-на, поднимает стакан к небу и спрашивает...

ЛЮСЬЕН. За их здоровье. Позволишь?

ОТЕЦ, разбуженный тишиной, не желая показать, что спал. Ну что, де-ти, на чём мы остановились? Скоро конец?

ЛЮСЬЕН, улыбается, глядя на него. Скоро, папа. Конец начинается.

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Брошенный домик в лесу. Пустая полутёмная комната. В глубине сцены виднеется начало лестницы. Диван перевернут. Перед окном, в котором нет стёкол, на ветру надувается тёмная занавеска. Слышно, как снаружи бушует буря. Жаннетта входит вместе с Фредериком. Они сверкают капельками дождя.

ЖАННЕТА. Войдём сюда. Мы будем в безопасности. (Они входят. Дверь закрывается; становится спокойно.) Этот домик в лесу давно остав-лен. Когда меня застает дождь, я прячусь тут иной раз. (Пауза. Они стоят в центре комнаты в тени. Она шепчет.) В ожидании утра нам бу-дет здесь лучше, чем на вокзале.

Пауза. Порыв ветра поднимает занавеску.

ФРЕДЕРИК, шепчет. Какая гроза!

ЖАННЕТА. Да. В окнах больше нет стёкол. (Пауза.) Если у вас есть спички, то тут аварийная лампа, в углу. (Он даёт ей спички. Она за-жигает лампу.) Владелец этого дома - человек добрый, он знает, что я прихожу сюда время от времени, и оставляет мне эту лампу.

ФРЕДЕРИК. Вы его знаете?

ЖАННЕТА. Немного. (Прижимая доской занавеску, которая надувается от ветра.) Если мы зажжём свет, то лучше задвинуть занавеску, свет ви-ден в лесу издалека. (Он осматривается. Она подходит к дивану и, перевернув его, ставит, как следует, на пол.) Тут только старый ди-ван, но он крепкий.

ФРЕДЕРИК, увидев лестницу. А наверху?

ЖАННЕТА, поколебавшись. Наверху, там что-то типа чердака. На полу лежит соломенный тюфяк, есть старая занавеска из красного материа-ла, которую я прикрепила к стене, она вся источена молью, ещё сун-дук вместо стола. Это мой дом. Я там иногда сплю летом. Я вам скоро покажу. (Пауза. Они, не шевелясь, стоят друг напротив друга. Она ещё шепчет.) Вот так.

ФРЕДЕРИК. Вот так.

Пауза. Они стоят в некотором стеснении. Слышна буря.

ЖАННЕТА. В ожидании поезда, нам всё же тут лучше, чем на вокзале.

ФРЕДЕРИК. Вы дрожите?

ЖАННЕТА. Да.

ФРЕДЕРИК. Вы промокли. Вам холодно?

ЖАННЕТА. Нет, мне не холодно. Это пальто промокло. Снимите пиджак, чтобы он высох. Я схожу, принесу вам что-нибудь сверху. (Двигаясь с лёгкостью, она исчезает. Слышно, как она ходит наверху. Фредерик снимает пиджак. Она спускается вниз с одеялом, которое накидывает ему на плечи.) Вот! Так вы красивый. Так вы похожи на вождя красно-кожих. (Он хочет обнять её, но она высвобождается, шепча.) Мне страшно.

ФРЕДЕРИК, нежно. Мне тоже страшно.

Пауза. Она ему улыбается.

ЖАННЕТА. Это я вас пугаю мокрыми космами? Я некрасивая.

ФРЕДЕРИК. Нет.

ЖАННЕТА. Они говорят, что когда дождь намочит мне волосы, я похожа на сумасшедшую.

ФРЕДЕРИК. Кто это, «они»?

ЖАННЕТА. Другие. (Поправляется.) Люди.

ФРЕДЕРИК. Вы похожи на лесную дикарку.

ЖАННЕТА. Я бы хотела быть настоящей дикаркой, вечно непричёсанной, которая кричит, оскорбляя людей сверху, сидя на ветках деревьев. Такой ведь никогда, в действительности, не существовало, не правда ли?

ФРЕДЕРИК. Я не знаю.

Жаннетта поднимает на него глаза, став неожиданно серьёзной.

ЖАННЕТА. Кстати, вам должны нравиться девушки с прядями в полном порядке, которые долго причёсываются по утрам. (Проводит расстав-ленными пальцами в его волосах, потом бежит к своему узелку и лихо-радочно в нём роется. Поднимается, расстроенная.) Я не взяла рас-чёску. Завтра куплю. (Стоит перед ним, потом кричит.) И я буду при-чёсана, хорошо причёсана, причёсана, как я не люблю, и как вы люби-те, причёсана, как Улия! (Они стоят некоторое время, не говоря ни слова, друг напротив друга. Потом, став

смиренной, она опускает глаза и говорит.) Я прошу у вас прощения, но мне так хотелось быть красивой. Мне так бы хотелось вам нравится. (Ещё пауза.) Подождите! Я не взяла расчёску, но у меня всё-таки кое-что есть вот в этой ко-робке. (Берёт плохо перевязанную коробку и бежит вверх. Фредерик остаётся один, молчит. Слышно, как сверху Жаннетта кричит.) Глав-ное, не смотрите! Если вы двинетесь, то я спущусь, и вы ничего не увидите. Я вожусь из-за темноты.

ФРЕДЕРИК. Хотите лампу?

ЖАННЕТА. Спасибо, не нужно. Не двигайтесь. Вам скучно ждать?

ФРЕДЕРИК. Нет.

ЖАННЕТА. Вы будете вознаграждены.

Короткое время её не слышно. Вдруг она появляется на ступеньках ле-стницы в фантастическом свете аварийной лампы. Оставшись в грубых мальчишеских башмаках, она второпях надела на себя необыкновенно изящное белое платье. Жаннетта молчаливо стоит секунду перед Фреде-риком, потом кричит...

Вот. Теперь я умираю от стыда. Сейчас же сниму его!

ФРЕДЕРИК, глухо. Нет. (Она останавливается.) Вы принесли это платье в узелке?

ЖАННЕТА. Нет, не в узелке. В большой коробке, которой стучалась о все деревья в лесу. Это всё, что у меня есть ценного в этом мире.

ФРЕДЕРИК. Это же свадебное платье.

ЖАННЕТА. Нет. Оно белое, но это просто бальное платье, настоящее бальное платье, как в каталогах... (Немного смущаясь.) Но оно не новое, знаете... я купила его у старьевщика, который продавал пла-тье на ткань. Мне удалось заработать денег, так как я продала ути-ные яйца, которые нашла в тростнике. Тут бывают яйца очень редкой дикой утки. Люди подкладывают их домашним, и выводится друго-да, которая пользуется значительно большим спросом... (Её кажется, что он ей не верит.) Я продавала яйца в течение всего сезона, и у меня, наконец, накопилось достаточно денег. Потому что, конечно, торговец не дал бы мне его просто так. К тому же, с тех пор, как я его почистила, оно выглядит почти как новое. (Её голос умирает. Она ничего не говорит, потом, глядя на него, шепчет.) Я его сниму.

ФРЕДЕРИК. Нет. Оставьте.

Не отрывая от него глаз, она, молча, спускается к нему. Когда Жан-нетта оказывается перед ним, он, помедлив, обнимает её.

Мне всё равно, даже если оно и новое, даже если вам его кто-нибудь дал.

ЖАННЕТА. Почему вы мне никогда не верите? Я уверена, что вы верите Улии, когда она вам что-нибудь говорит.

ФРЕДЕРИК. Да, я ей верю.

ЖАННЕТА. А мне?

ФРЕДЕРИК. Нет.

ЖАННЕТА, освобождаясь из его объятий. Тогда идите к ней, я тоже хо-чу, чтобы мне верили! (Опять прижимаясь к нему.) Нет. Не двигай-тесь. Я вам скажу. Сядьте. (Усаживает его к своим ногам.) Конечно, я купила его не на деньги за яйца дикой утки. Мне бы понадобилось их слишком много. Но это всё-таки верно для части денег. Что каса-ется остального, я не хотела вам говорить, потому что не знала, по-нравится ли вам это или нет. Папа давно заложил в ломбард серебря-ные приборы. Он всё выплачивал, но срок истекал. Я украла у него доверенность. Как раз на деньги за яйца я и выкупила серебро, а, продав его, купила это

платье. Ему бы никогда не хватило денег, чтобы выкупить эти приборы, и он бы их всё равно потерял. Кстати, так как мне оставалось немного денег, я купила ему коробку сигар. Небольшую коробочку, потому что платье стоило очень дорого. (Пау-за.) Теперь я могу вам это сказать, потому что вы знаете, как у меня появились деньги. Я купила его в большом магазине в Париже. Вы-брала в каталоге, и они отправили мне его по почте. Вот и всё. (По-сле ещё одной паузы.) Вам грустно?

ФРЕДЕРИК. Нет.

ЖАННЕТА. Теперь вы мне верите?

ФРЕДЕРИК. Да.

ЖАННЕТА, вздыхает, положив голову ему на колени. Правду сказать так просто, но о ней никогда не думаешь.

ФРЕДЕРИК, нежно. Думайте о ней, пожалуйста, чтобы мне не было слиш-ком больно.

ЖАННЕТА, после паузы. Вы мечтали не о такой женщине, как я, не правда ли?

ФРЕДЕРИК. Нет. Не совсем.

ЖАННЕТА. И, тем не менее, с вами теперь я, я положила вам голову на колени. ФРЕДЕРИК. Да. Это вы.

ЖАННЕТА. Думаю, это называется судьбой?

ФРЕДЕРИК. Думаю, да.

ЖАННЕТА, со вздохом облегчения. Судьба – это хорошо, приятно.

ФРЕДЕРИК, после паузы, строго. Да. Это хорошо. Улия плачет там, в пустой комнате, всё разрушено и поставлено под вопрос, но это при-ятно. И то, что во мне сломалось и что всегда будет доставлять боль - тоже приятно. Всё приятно. Всё есть ужасная снисходительность и чудовищная сладость.

ЖАННЕТА. И то, что я такая, какая есть?

ФРЕДЕРИК. И это тоже. Это, конечно, самое понятное... мы не созданы друг для друга, с множеством противоречий. И нужно было, чтобы я сперва любил Улию, а потом через неё познакомился именно с вами, и чтобы вы были так мало друг на друга похожи.

Пауза.

ЖАННЕТА, нежным шёпотом, с улыбкой. Даже когда мы были маленькие, мы были совсем разные.

ФРЕДЕРИК, тоже с улыбкой. Думаю, да.

ЖАННЕТА. Вы были отличником в школе?

ФРЕДЕРИК. Да.

ЖАННЕТА. Я вас хорошо представляю... чистенький, с портфелем. Я бы-ла непричёсанной грязнулей, вся в пятнах, волосы на глаза. Я была последней в классе, и всё время прогуливала уроки, чтобы бегать по лесу со всякой шпаной.

ФРЕДЕРИК, с улыбкой, лаская ей волосы. Представляю.

ЖАННЕТА. Мне хорошо, когда вы кладёте на меня руку. Я, как лошадь, которая знает, что больше не споткнётся. Какая нежность вдруг во-круг нас... дождь перестал?

ФРЕДЕРИК. Не знаю.

ЖАННЕТА, после паузы. Во мне как будто бы что-то потихонечку разрывается. Кажется, я никогда не доставлю вам боли. Думаете, именно это называется нежностью?

ФРЕДЕРИК. Я не знаю.

ЖАННЕТА. Я тоже, я не знала. Я только читала об этом в книжках. Мне казалось, что это приходило только в конце долгого пути.

ФРЕДЕРИК. Нам нужно было спешить.

ЖАННЕТА, с нежностью. Всё слишком поспешно, не правда ли? Кажется, что у меня есть право хотеть вас, быть счастливой в ваших объятьях, но любить вас вот так я не могу. Кажется, что я что-то краду.

ФРЕДЕРИК, с нежностью. Я говорил себе, что она будет серьёзной, одетая в чёрное, как все наши женщины. С гладким лицом и светлыми, JEAN ANOUILH ROMEO ET JEANNETTE 39

хорошо убранными волосами, верный спутник, который будет идти рядом со мной, неся свою поклажу, не жалуясь. Так вот же нет. Эти ваши глаза, в которые я не позволяю себе окунуться, ваши пряди, ваш вид проказницы, и ваши враки... я полюбил всё то, что мне никогда не нравилось.

ЖАННЕТА, с опасением. А если я больше не буду врать? Если я приче-шусь?

ФРЕДЕРИК, продолжает. Я говорил себе, что у меня будет двое детей. Старшего будут звать Марк. Он будет несносный, а меньшую мы назовём Мари, и она будет нежная, как птичка. И вечером, когда я буду возвращаться домой, я буду учить их читать. Так вот нет же, не будет тихих вечеров - всё очень просто, не будет азбуки под лампой, и внимательных взглядов... будут пустые гостиничные номера, ваша кровать, сцены, и наша боль.

ЖАННЕТА. Почему вы говорите об этом с такой нежностью?

ФРЕДЕРИК. Потому что это нежно. Не так нежно, как я надеялся, по-другому... Нежность в том, чтобы до чего-то дойти, пусть то предел безнадежности, и сказать: Ах, вот оно где... теперь я дошёл.

ЖАННЕТА. И вы думаете, что мы дошли?

ФРЕДЕРИК. Да. В этот раз, мы тут. Это длилось долго, и какой это странный был путь! Но я чувствую телом ваше тепло, и эти минуты, которые мы находимся в ожидании, прежде чем отдаться друг другу, со вкусом помолвки. Да, мы были именно здесь.

ЖАННЕТА. Это была точно я?

ФРЕДЕРИК, с улыбкой, с движением руки. Нужно верить...

ЖАННЕТА. И теперь слишком поздно? Бог с ним, что вы хотели раньше? Вы ответственные? Потому что, если мне больно, нужно, чтобы и вам было стыдно, а если со мной случится беда, то вы возьмёте на себя её половину?

ФРЕДЕРИК. В любом случае.

ЖАННЕТА, после короткой паузы. Я понимаю, почему они серьёзные...

ФРЕДЕРИК. Кто?

ЖАННЕТА. Настоящие невесты... (Встаёт.) Но то, чего я не понимаю, это почему они потом лгут. Зачем судачат на кухнях, рассказывая истории. Потому что если б однажды я вот так поклялась, в церкви, вся в белом - с букетом цветов, если б сказала молодому человеку... те-перь я - твоя жена, и мы всё поделим поровну - хорошее и плохое, то я бы была, как солдат со своим капитаном, тогда лучше б мне отруби-ли руку! (Поворачиваясь, кричит.) Почему вы всё время говорите об Улии?

ФРЕДЕРИК, бормоча. Об Улии? Что я сказал?

ЖАННЕТА, кричит. Вы себя просто не слышите? Всякий раз, когда за-молкаете, вы кричите: «Улия!»... Каждый раз, когда вы смотрите на меня, ваши глаза на неё смотрят. Я сделать ничего не могу, я отворачиваюсь... Так как вы же знаете, что я никогда не буду на неё по-хожа! Вы же знаете, что я обратная её сторона! Посмотрите-ка на ме-ня - я здесь, со всем тем, что во мне есть хорошего и плохого, узелок, который распутать нельзя. Брать меня нужно, не распутывая! (Бросаясь в его объятия и, как ребёнок, крича.) Ах, если бы вы сей-час же достали из кармана ваш ножик и разрезали моё сердце надвое - вы бы увидели, как оно чисто, и красное внутри...

ФРЕДЕРИК, прижимая её к себе, побеждённый, шепчет. Оно так быстро бьётся...

ЖАННЕТА. Вы слышите? Ах! Если я ещё вру, если я запутываюсь и не могу распутать эти нитки - они сплелись, несчастные космы, если я не могу найти ещё слов и доставляю вам боль, если я несправедлива - думайте об этом узнике-сердце, о его бессилии... Потому что это я говорю - я, это опять моя хитрость или злость, или это моя гор-дость, я – женщина со всем тем, что она сделала раньше, и всем тем, на что способна ещё, но сердце – оно, как животное, чтобы его поня-ли, оно может ведь только прыгать. И оно прыгает к вам! Чувствуете его сквозь меня? Так что, если я даже и удаляюсь, даже если мне всё равно - вдруг, если я похожа на ту, которая хочет доставить вам боль, прислушайтесь к нему, только к нему – не ко мне. (Прижима-ясь к Фредерику.) Тут. Теперь крепко обнимите меня, так как у меня, должно быть, не так много сил, как у вас.

Отстранившись от Фредерика, Жаннетта бежит к окну, чтобы отдернуть занавеску.

ФРЕДЕРИК. Что вы делаете?

ЖАННЕТА. Я всё открываю, чтобы в лесу издалека был виден свет.

ФРЕДЕРИК. Зачем?

ЖАННЕТА. Так уж больше не скажут, что я сделала меньше, чем настоя-щие невесты. И потом, это для всего, что есть в жизни хорошего и плохого, а это ведь может теперь же начаться, не правда ли? Это как соревнование по плаванию через бухту. Победителем всегда будет только один. Но ведь недостойным нечего было и соваться!

Возбуждённая, она стоит на ветру напротив отворённой двери.

ФРЕДЕРИК. Затворите дверь. Лампа потухнет.

ЖАННЕТА. Мы опять её зажжём. Мы будем зажигать её до тех пор, пока человек, который бродит теперь по лесу, как старый, потемневший от грусти филин, ни увидит света между ветвями, и ни ткнётся в стекло. (Фредерик, сделав шаг, останавливается.) Он знает, что меня потерял. Я уверена, он меня ищет. Но он - зверь, он некрасивый, и ему стыдно, он, верно, не посмеет войти. Пусть не входит – спасибо! Но я сделаю всё, чтобы он пришёл. Это как в школе... Божий суд в книж-ках, во времена инквизиции... виновный и невинный. Нужно, чтобы тот и другой взяли в руку раскалённое до красна железо... остальное ре-шал только шанс и мужество... они заслуживали другого суда.

ФРЕДЕРИК. Зачем вы хотите, чтобы я увидел этого человека?

ЖАННЕТА, нежно. Это, как операция, Фредерик. И если я не потеряю слишком много крови, если не буду слишком изуродована, может быть, останется небольшая надежда на то, что я буду жить. (Серьёзно.) Только потом я хочу, чтобы вы любили меня, как Улию.

ФРЕДЕРИК. Если этот человек войдёт сюда, если я увижу его, я, может быть, не смогу вас любить.

ЖАННЕТА. Я это знаю. Как и с раскалённым железом, тоже нельзя быть уверенным, что не умрёшь от ожогов. И, тем не менее, нужно взять его в руку.

Они оба смотрят на дверь, распахнутую в ночь. Сверкая каплями дождя, появляется Люсьен.

ЛЮСЬЕН. Простите меня. Я вам помешал. Мы все сегодня много гуляли под дождём. Странная погода для идиллии! (Закрывая дверь.) Меня по-слал Азарьяс. Он тут. Он не решился войти, это человек застенчивый. Но, в общем, не плохой мальчик, и можно верить, что он тебя любит. Он передал, что ты можешь оставить себе платье. (Жаннетта не двигается. Фредерик поворачивается к ней, молча... Люсьен открывает коробку, которую держит в руках.) Он послал тебе и вуаль, которую ты забыла.

Люсьен укладывает длинную белую фату на стул.

ЖАННЕТТА. Да. Это свадебное платье.

ФРЕДЕРИК. Это он тебе его дал?

ЖАННЕТТА, как ребёнок. Красивого у меня было только это.

Они стоят друг напротив друга, молча, не двигаясь.

ЛЮСЬЕН, улыбаясь. Вам трудно это понять, молодой человек? Будьте справедливым. Она отправляется с вами к большой любви, и навсегда. Признайтесь, самое время, чтобы заняться твоим туалетом! Это мужская мысль... кто купил и т.д. Азарьяс богат, он её любит, а она бросает его, чтобы быть с вами, и ни о чём не жалеет... И не нужно думать, что она опять пойдёт к нему за деньгами. Моя сестра не потаскуха... Она ходила к нему потому, что ей это нравилось, и идёт к вам только потому, что ей это нравится больше... Она просто берёт с собой платье – вот и всё.

ЖАННЕТТА, нежно. Я тебя ненавижу, Люсьен.

ЛЮСЬЕН. Да, я играю плохую роль. Признаюсь, все это не блестяще. (Молча глядя на них обоих, ухмыляется.) Бедные агнцы! Мне вас жаль. Они хотят правды, только правды, всю правду и ничего кроме правды, а когда оказываются с ней лицом к лицу, им хочется плакать. И нужно быть сваренным и переваренным, как я, чтобы поприветствовать эту госпожу-правду.

ФРЕДЕРИК. Почему вы мне солгали?

ЖАННЕТТА. Вы же видели, что платье новое, так что я поняла, что ни-когда не смогу вам это сказать.

ФРЕДЕРИК, кричит. Сказать мне что? Что платье дали вам накануне?

ЖАННЕТТА. Да.

ФРЕДЕРИК. Но вы его всё равно принесли?

ЖАННЕТТА, после паузы. Да.

ФРЕДЕРИК, после паузы, лишившись надежды, кричит, падая на диван и роняя голову на ладони. Не могу понять.

ЛЮСЬЕН, нежно. Понять, что? Что происходит в такие минуты в этом хрупком тельце? Никто никогда не понял. Даже они сами. Из чего, по-вашему, сделаны женщины? Из стали, платины, из бриллиантов? В нотариальных конторах про это мало что знают! (Присаживаясь рядом с Фредериком, став неожиданно тонким.) Ах, ну и весело же мы смотрим-ся со всем нашим этим человеческим! Мы отлично выглядим, когда нужно объяснить, что мы учёные, воины, поэты, что мы хотим жить свободно или умереть, что у нас есть обо всём общие мысли! Вот, о чём речь! (Пристально глядит на гравюру, которая косо висит на стене напротив, встаёт и идёт её поправить.) Этот дом сослужил нашей семье большую службу. Когда меня бросила жена, я часто здесь прятался. И однажды, в силу того, что я, ничего перед собой не видя, смотрел на стену, я обнаружил эту гравюру. Она косо висела вот тут, в центре стены. Стекло было грязное, и гравюру не очень хорошо было видно. Это Аррия, жена Поэта, они оба были приговорены к смерти Не-роном. Она только что взяла из руки центуриона меч и, так как Поэт колебался, то ударила себя первой... на гравюре она протягивает мужу клинок, с весёлой улыбкой говоря: «Non dolet, Poete».

Бросив на него взгляд, Фредерик вновь роняет лицо на ладони. Жан-нетта, глядя в гравюру, спрашивает...

ЖАННЕТТА. Что это значит, «non dolet»?

ЛЮСЬЕН. «Это не больно». Написано во вкусах Первой Империи... жена Поэта не была очень красивой, немного, может быть, пышная для таких деликатных особ, как мы... но, тем не менее... (Вздыхает, толи мечтательно, толи насмешливо.) Ах, этот Поэт, сукин сын!

ЖАННЕТТА. Фредерик, мне всё-таки хотелось бы вам сказать кое-что. Я сама открыла дверь, чтобы тот человек вошёл и сказал вам приблизительно то, что сказал Люсьен... я лгуныя, верно, я не многого стою. Правда и то, что я принесла это платье... (Пауза; продолжая с трудом.) Люсьен говорил, и Улия, и ваша мать, и теперь даже римские женщины - все против меня! Все те, которые были сильны и чисты... Так вот, я бы даже больше смогла, чем они! Я бы тоже могла быть вашей женой!

ЛЮСЬЕН, с ухмылкой. Ты... его женой? Не дай мне умереть со смеху! Посмотри на него. Тут всё сурово прямолинейно крепко. Это настоящий французский солдатик. Он трещит по швам от хороших чувств. Ты – его жена? Ты его хочешь, он хочет тебя - удачи! Развлекитесь, но побыстрей... и не стройте на этом кафедральных соборов!

ЖАННЕТТА. А если я в один вечер стану всем, что он любит? Если вдруг я больше не буду ни ленью, ни ложью, ни беспорядком. Если б я стала самим мужеством и честью?

ЛЮСЬЕН, взрываясь хохотом. Все женщины одинаковые! Все - одинаковы! Только для того, чтобы последовать за молодым человеком, они способны однажды в огороде кокнуть и маму и папу, готовы для него воровать, продаваться на улице, опуститься так низко, как только возможно. Но если тот предпочитает стыдливость - их милый ангел, если он хочет чувства и добродетели - пусть только скажет! Всё очень просто! Они смогут и это - им всё равно! И, главное, искренне! Отказаться от себя и опустить глаза, покраснеть или, если вымолвлено было только словечко - стать возвышенными. Они всё могут! Они всё могут, лишь бы длилось любовь!

ЖАННЕТТА. Да, я всё могу, я всё могу!

ЛЮСЬЕН. Единственное, чего не могут они – это чтобы любовь длилась!

ЖАННЕТТА. Ты лжёшь!

ЛЮСЬЕН. Они не могут и того, чтобы это осталось правдой на следующий день! Они честны только ото дня на день. У этих красоток один способ. Но несчастье в том, что нам, мужчинам, нужен следующий день. Мы равнодушны к ежеминутной любви, которую нам дают. Она ни-чего не стоит, если нет уверенности во дне завтрашнем. Вот почему мы умираем в этом счастье, неспособные к жизни, до тех пор, пока однажды они нас ни бросят – оставленные, оставив нас быть причиной всех наших несчастий.

ЖАННЕТТА. Он будет счастлив! Он мне поверит! Ты не поверил своей жене, но я дам ему столько, что он поверит!

ЛЮСЬЕН. Что ты ему дашь? Такими, какие вы есть - вам дать нечего. Что у вас там... минутное тело, беглые настроения?

ЖАННЕТТА. Это неправда!

ЛЮСЬЕН. И ему тоже нечего дать. Вы - любовники. Вы сыграли карту любви. Пляшите до конца танца. Вы можете броситься вниз головой в воды безнадежности, убится один за другого, вылечить друг у друга проказу, продаться. Выпендрёж! Мираж! Показуха! Вам нечего дать... Вы выбрали любовь, выбрали всё время брать и думать только о самих себе.

ЖАННЕТТА. Это неправда!

ЛЮСЬЕН. Правда! Вы выбрали любовь, вы - здесь, чтобы себя самих не-навидеть... Вы тут для того, чтобы отомстить, и никогда не узнаете за какое именно оскорбление. И нечего бить себя в грудь, это вечный закон, с тех пор, как мужчина и женщина существуют, и однажды с ут-ра любовь их приклеивает друг к дружке, как мух.

ЖАННЕТТА. Нет!

ЛЮСЬЕН. Да! Вы, быть может, пойдёте в мир через некоторое время, оба - рука об руку, но следя друг за другом, как два врага в пусты-не. А люди скажут: какая красивая пара! Как они любят друг друга! Красивая пара убийц - да! Готовые ко всему, мои дорогие дамы. Вы-пустить когти и оскалить зубы! Необходимо, чтобы один убил другого и как можно быстрее! Вот что такое любовь!

ЖАННЕТТА, упав на диван рядом с Фредериком. Ах, ты слишком некра-сив! Ты слишком уродлив!

ЛЮСЬЕН, подойдя к ним, ласковее. Что ты такое взяла себе в голову? Филемон и Бавкида, по требованию? Оплата по таксе? Нежность, пре-данность и доверие – всё сразу. Но такое оплачивается день за днём, моя девочка, потом, скукой, мелкими несчастьями и общим страхом. Такое оплачивается детьми, которые болеют, а мы не знаем будут ли они жить или нет, ночами - ночами бок обок, слушая дыхания друг друга, морщинами, которые покрывают одновременно одному и другому лицу.

ЖАННЕТТА. У меня будут морщины! Я буду старой! Скажут - вот два старика! И, когда он умрёт, я умру на следующий день.

ЛЮСЬЕН, устав, тоже падает рядом с ними на диван, ворчит. Умереть, умереть... Умереть – что это такое? Начните с того, чтобы жить. Это не так смешно и длится дольше.

ЖАННЕТТА. Ты говоришь, чтобы помешать нам жить.

ЛЮСЬЕН. Да нет же, чтобы помешать вам умереть, идиотка. Ты всё пу-таешь.

Пауза. Они смиренно сидят бок обок втроём, глядя прямо перед собой.

ЖАННЕТТА, смиренно. Ты ненавидишь любовь. Но женщины, которых ты знал – это не все женщины. Ты узнал не всех. Были же и такие, кото-рые любили изо всех сил и навсегда? Была ведь хотя бы одна такая? Если да, значит, и я тоже могу быть такой.

ЛЮСЬЕН. Никогда не знал её адреса.

ЖАННЕТТА. Та, о которой ты говорил - на картинке, любила она?

ЖАННЕТТА. Жена Поэта?

ЖАННЕТТА. Не знаю. Да. Что она сказала, взяв нож прежде своего му-жа, чтобы придать ему мужества?

ЛЮСЬЕН. Non dolet.

ЖАННЕТТА. Non dolet. Не означало ли это, что она любит его, non dolet?

ЛЮСЬЕН. Означало. Несомненно.

ЖАННЕТТА, вставая. Ну так, если это так просто!

ЛЮСЬЕН. Куда ты идёшь?

ЖАННЕТТА. Снять платье. (Она исчезает на лестнице.)

ЛЮСЬЕН, оставшись наедине с Фредериком. Я сказал вам всё, что знал. Сообщил вам мой скромный опыт. Теперь, старина, быть может, будет лучше, если вы сами рассудите.

Наверху слышен звук расколотого стекла.

ЛЮСЬЕН, поднимая голову. Что она ещё творит, полоумная? Она бьёт стёкла?

Короткое время спустя в своём белом платье появляется побледневшая Жаннетта. Она протягивает Фредерику руку; из длинной раны течёт кровь.

ЖАННЕТТА. Натё! Это не больно. Я забыла, как говорят на латинском.

Оба мужчины встают и каменеют. Наконец, Фредерик бросается к Жан-нетте и обматывает ей руку носовым платком. Он целует её, бормо-ча...

ФРЕДЕРИК. Жаннетта, любовь моя... Простите. Я вам поверю. Я буду вам верить всегда!

Они целуются. Люсьен поднимает глаза к небесам.

ЛЮСЬЕН, восклицая. Так! Если они начали резать руки, делать тут больше нечего! Дверь открывается. Ветер, врываясь в комнату, чуть не гасит свет лампы. Под дождём на пороге, мешкая, стоит старый почтальон.

ПОЧТАЛЬОН, тихо. Детки! Детки!

ЛЮСЬЕН, идёт к нему, крича. Для меня, почтальон?

ПОЧТАЛЬОН. Нет, малыш. Меня послал твой отец... сказать, чтобы ты шёл предупредить доктора. Твои волнуются. Твоя сестра выпила что-то. Они боятся, что она отравилась.

Фредерик отстраняется от Жаннетты. Люсьен поворачивается к нему.

ЛЮСЬЕН. Возвращайтесь. Я возьму машину Азарьяса и привезу врача. (Фредерик не сразу уходит. Он подходит к Люсьену и берёт его руку.) Торопитесь. На этот раз яд настоящий.

Уходя, Люсьен уводит с собой Фредерика. Почтальон, оставляя дверь открытой, следует за ними. Длинное молчание. В белом платье, обхватив себя руками, Жаннетта стоит, не двигаясь, на гуляющем по комнате сквозняке.

ЖАННЕТТА, поворачиваясь. Теперь можешь войти.

На пороге появляется тень мужчины в накидке, которая сверкает каплями дождя. В то время как тень заходит, занавес падает.

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Та же декорация, что и в первом акте. Конец дня, неделю спустя. Фредерик лежит на диване, обняв голову руками. Отец семенит вокруг, наблюдая за ним с враждебным видом. Входит Люсьен, отец бросается к нему.

ОТЕЦ. Машина здесь?

ЛЮСЬЕН. Да.

ОТЕЦ. Хорошо. (Отводя его в сторону.) Не скрою, я не обижаюсь, что они уезжают. Неделя! Этот мальчик живёт у нас неделю и за это время ни разу не раскрыл рта. Я же старой школы... вежливость по мне важнее всего. Если бы моя невеста была и в агонии, я, во-первых, чело-век светский, я поддержал бы разговор. А он - ничего.

ЛЮСЬЕН. Твой разговор сам себя поддерживает.

ОТЕЦ. Улия чуть не умерла. Понятно! Но вот уже неделю, как она спа-сена... Я сказал себе, что теперь нужно бы было сделать усилие. И всё равно ничего!

ЛЮСЬЕН, ласково. Но он-то, может быть, не спасён.

ОТЕЦ. Я рад, что он сматывается отсюда, не скрою. Я, в таком слу-чае, вообще предпочитаю с самим собой говорить. По крайней мере, понимаешь, в каком направлении движешься. (Издали доносится музы-ка. Он кричит.) Сделайте так, чтобы эта музыка перестала!

ЛЮСЬЕН. Невозможно.

ОТЕЦ. Я кажусь спокойным, но я на грани нервного срыва.

Отец спокойно устраивается в кресле и закуривает сигару. Люсьен подходит к Фредерику.

ЛЮСЬЕН. Нужно признать, что эта выходка с оркестром не очень дели-катна. В принципе, мы не должны его слышать - замок слишком далеко. Но она, видимо, устроила оркестр на краю парка, чтобы быть уверен-ной, что вы услышите. Это, наверное, красивая свадьба. Перед огра-дой стоят пять Ситроенов. Господин Азарьяс имеет связи...

ОТЕЦ, из угла. Даже прислать приглашения! (Пауза. Отвлечённо.) Где, ты думаешь, они заказали обед?

ЛЮСЬЕН. У Бирона.

ОТЕЦ, с презрением. Пуф! Классика. Кнели из щуки, бок ягнёнка, пу-лярка. Так хорошо представляю себе, словно сам всё это уже ем!

ЛЮСЬЕН. На что же ты жалуешься?

ОТЕЦ. На жест.

ЛЮСЬЕН. Ты и его переваришь!

ОТЕЦ. Никогда! Я - добрый малый, но злопамятен, как слон. Я ничего не прощаю. Я ничего не говорю, думают, он - добряк, а я, в один прекрасный день смертельно раню моего погонщика. Сыр, мороженное, пирожное мока, шампанское. Бирон знает только один набор яств. Если бы они удостоились спросить моего совета, я б им сказал: идите к Фоме. Только Фома в здешних краях приготовит вам настоящий обед. Яйцо Мимоза, омар Термидор, фаршированная баранья лопатка... пре-лесть, пальчики съешь!

ЛЮСЬЕН. Для тебя всё одинаково.

ОТЕЦ, язвительно. Это правда. (Пауза.) Думаешь, я мог бы его на-деть, если бы меня пригласили?

ЛЮСЬЕН. Кого?

ОТЕЦ. Мой фрак.

ЛЮСЬЕН. Обязательно.

ОТЕЦ. Для них было бы слишком много чести. В конце концов, я знал отца этого Азарьяса.

ЛЮСЬЕН. Теперь он знает твою дочь, вы - квиты.

ОТЕЦ. Ты из всего фарс сделаешь. У меня это вырезано вот тут. (При-коснувшись ко лбу; музыка играет сильнее. Он встаёт и кричит.) Ос-тановите музыку!

ЛЮСЬЕН. Сам пойд и останови её.

ОТЕЦ. Они будут слишком рады! Пусть играют неделю, я неделю буду строить из себя глухого. Музыканты устанут раньше меня. Как ты думаешь, сколько им стоил такой оркестр? По меньшей мере, шесть музыкантов. Положи по сто монет на душу, и увидишь, куда заведёт тебя эта затея.

Он уходит в сад.

ЛЮСЬЕН, возвращаясь к Фредерику. Она, значит, хотела, чтобы мы услышали её свадьбу, чтобы Улия слышала из постели, свекровь на кухне, и всё селение. Колокольного звона им было недостаточно, она посадила ещё и распиливать бемоли в кусты. Она, должно быть, всех их ненавидит, но я хорошо представляю её в разгар праздника. И она заставит всех плясать до утра, вымотает их за наше здоровье.

ФРЕДЕРИК. Улия сейчас встанет. Через час мы уедем.

ЛЮСЬЕН. Мы возьмём на себя заботу об этом ей сообщить. Это обойдётся нам некоторым спокойствием. Представляю, что эти потоки благозвучия предназначены непосредственно вам.

ФРЕДЕРИК. Может быть.

ЛЮСЬЕН. Она хочет быть уверена, что вам будет больно одновременно с ней. Малышка вас обожает. Вы заметили, как она красиво разрежала руку? Пожалуйте вам! Уже не помню, как они говорят по-латыни. Она отколола очаровательный номер!

ФРЕДЕРИК. Ну тогда почему, почему сразу после?

ЛЮСЬЕН. Вы неисправимы, старина! Вы всё хотите понять. Нужно потренировать эту дурную привычку. Никто никогда не узнает, почему. Даже она сама. (Фредерик опять падает головой в подушку.) Это доставляет боль, не так ли, сначала. Кажется, не выдержишь и минуты. Нужно закричать, сломать что-нибудь. Но не их - нельзя. Мебель? Нелепо! Когда поймёшь, что ломать нечего, начинаешь становиться мужчиной. (Присаживается рядом с Фредериком. Пауза.) С болью прекрасно живётся, вот посмотрите... как только её узнаешь. Узнаешь тонкости её и складочки. Наконец, становишься по ней специалистом. Знаешь, как кормить её ежедневно, и от чего она заболит. Узнаешь, какое дуновение её пробуждает, и от какой мелодии она спит. А потом - после, значительно после, когда, наконец, выйдешь из одиночества и сможешь поговорить об этом с другими, начинаешь водить по ней других, как смотритель в музее. Надеваешь фуражку чиновника своей боли. Тогда - всё равно погибает - но спокойнее.

Фредерик встаёт, как если бы хотел от него отвязаться, подходит посмотреть в окно.

ЛЮСЬЕН. Так вот, не торопитесь страдать! У вас впереди вся жизнь. Выгода рогоносца в том, что у него есть время. Я не говорю о тех хамах, которые истребляют всё при первом же подозрении и отшибают себе башку... Я говорю вам о рогоносцах-художниках, добросовестных рогоносцах-трудягах. О тех, которые любят хорошо и по правилам, как следует сделанное дело.

Музыка играет сильнее.

ОТЕЦ, появляясь на пороге застеклённых дверей. Весело! Присоединились и духовые... нам не удастся сомкнуть глаз всю ночь.

ЛЮСЬЕН, не допускающим возражений тоном. В любом случае, папа, мы бы их не сомкнули. (Отец опять выходит. Люсьен подходит к Фредерику.) Глаз ночью... странное выражение, не правда ли? Этот глаз представляется очень чёрным, открытым, как будто он наполняет всю комнату и смотрит. И невозможно его закрыть, сомкнуть. Извиваешься, корчишься, как только можно, а он прицепился к огромным векам... Глаз ночи всегда тут - зияет и созерцает нас без всякой мысли, бездонный и тупой, настоящий глаз человека.

ФРЕДЕРИК, пожимая плечами. Да.

ЛЮСЬЕН, кричит ему. Вы не заснёте!

ФРЕДЕРИК, поворачиваясь. Куда вы клоните, в конце концов? Что вы хотите?

ЛЮСЬЕН, ласково. Хочу смотреть на вас, наблюдать, как вам больно. Мне лучше от этого.

ФРЕДЕРИК. Смотрите. Но человек, который мучается, разве это краси-во?

ЛЮСЬЕН. Нет. Это ужасно, неприлично. Но собственное отражение в зеркале - ещё хуже. Потому что я, я смотрю на себя в зеркало ночи напролёт... с ухмылкой утопленника, глазами идиота. Я видел, как дрожит мой подбородок, я ждал, как охотник в засаде, часами, что эта голова для оплеух, эта голова рогоносца примется плакать. При-ятно, что теперь это, наконец-то, другой!

ФРЕДЕРИК. Взгляните на меня! Я не стану глазеть на себя в зеркало. Я человек завтрашнего дня, хорошо ли - плохо ли, я буду жить.

ЛЮСЬЕН, ухмыляясь. Хороший молодой человек!

ФРЕДЕРИК. Я буду работать. Я женюсь на Улии. Мне нужно перекрасить весь дом, посадить сад, напились дров на зиму.

ЛЮСЬЕН, откровением за откровенье. А я, представьте, стал занимать-ся гимнастикой. Да, пришла в голову мысль. Всё, думаю, с тобой слу-чилось только оттого, что ты худой и прямо не держишься. Всё это, думал, по причине отсутствия выпуклостей на груди и руках, которые и делают настоящего мужчину. Нет мускулов – не будет и женщин. Всё становилось просто... наконец-то! Короче, я оправился на покорение выпуклостей. Купил книжку, двенадцать франков. Секреты достаются практически даром! И каждое утро, встав в трусах перед открытым ок-ном - более рогоносец, чем когда бы то ни было, я принялся за швед-скую гимнастику. (Принимаясь делать гимнастику.) Один, два, три, четыре! Один, два... (Прекращает, уже без сил.) И что же вы думаете? Всё это враки, нужно очень много времени, чтобы эти выпуклости, наконец, появились. И потом... хорошо приглядевшись к физиономии профессора на обложке, вы приходите к выводу, что, несмотря на его атлетическое сложение, он тоже, должно быть, рогоносец. Совет! На-чинайте сразу с красного вина. Значительно быстрее добиваетесь луч-ших результатов. (Наливая себе, пьёт и предлагает Фредерику.) Вам налить?

ФРЕДЕРИК. Нет.

ЛЮСЬЕН. Как будет угодно! Но у рогоносцев с достоинством есть толь-ко одно преимущество - они страдают вдвойне. И потом, какой смысл в рогоносце с достоинством? Существуют ли благородные раковые боль-ные, элегантно заражённые чумой? Нужно согнуться в коликках, выхар-кать, как можно быстрее сопли и лёгкие, кричать, когда невыносимо терпеть боль, жаловаться, надоедать всем подряд. Нужно быть рого-носцем безобразным, настоящим трусом, уродливым перед лицом Всевыш-него, чтобы его научить! Знаете ли, что я в первый день сделал? Во время ужина я упал со стула и оставался лежать на полу, чтобы все подумали, что я умер. Не за чем. Чтобы им просто стало страшно, чтобы что-нибудь да произошло. Они смачивали мне виски уксусом, ста-рались разомкнуть мне зубы при помощи чайной ложки. Я слышал, как они хлопотали, лезли из кожи, а я спокойно дышал... я не был мёртв, я был попросту рогоносцем. И мне хотелось поступить ещё сильнее. Снять штаны, обоссать стены, замазать лицо углём, разгуливать по улицам с большим бумажным носом, чтобы люди говорили: «Что делает этот молодой человек с картонным лицом?» Он ничего не делает, он - рогоносец. Это нос рогоносца!

ФРЕДЕРИК. Замолчите!

ЛЮСЬЕН. Я вас беспокою? Господин хочет страдать в своё удовольст-вие, страдать благородно? Мсье хочет быть рогоносцем в одиночестве? Уродливые рогоносцы, рогоносцы низкие - это не его круг знакомств? Мсье – рогоносец особенный? И, тем не менее, мы братья, сударь, мы пригубили от одной чаши. И, так как нас никто не целует, нужно, чтобы мы целовались вместе.

Люсьен хочет его по-шутовски поцеловать; Фредерик его отталкивает.

ФРЕДЕРИК. Оставьте меня! Вы пьяны. От вас вином несёт.

ЛЮСЬЕН. От меня, может быть, и несёт вином, но пьяный... в пять ча-сов пополудни? Увы, молодой человек! Это, как выпуклости... требу-ется много времени, чтобы такое случилось. Всё долго! Нет, я буду пьян только вечером, когда уже точно говорить ничего не буду, когда я стану приличным. (Декламируя.) Граф запирался

каждый вечер в библиотеке, а графиня поздно ночью слышала, как он поднимался по лестнице нетвёрдой походкой. (После короткой паузы.) Но каждый вечер наверху, в комнате графини меня ждёт некоторое разочарование.

ФРЕДЕРИК, после паузы. Я не буду жевать мою боль, как собака влево-тину, пусть кровь выйдет один раз - и всё. Инфантильный мир, куда вы вдвоём меня затянули - не мой мир. Ни мой отец, ни моя мать, ни-кто из моих соседей никогда не уделил столько внимания своей бо-ли... а их дети, между прочим, тоже умирали от неизвестных болезней, и жёны тоже оставляли мужей. Просто у них было ещё, чем заняться помимо жалобы.

ЛЮСЬЕН. Счастливая деревенская озабоченность!

МАТЬ, входя. Улия встала. Дорога её немного утомит, но она, тем не менее, предпочитает уехать сегодня же вечером. Она, как и я, у неё одна мысль, оставить эти места, как можно быстрее.

ЛЮСЬЕН. Однако тут летом приятно!

МАТЬ, не обращая внимания на Люсьена. Ты готов?

ФРЕДЕРИК. Да, мама.

МАТЬ. Я позову тебя, чтобы помочь Улии спуститься. Я сварю ей кофе. (Она идёт на кухню.)

ОТЕЦ, вернувшись, глядя, как мать идёт на кухню. С тех пор, как она навела порядок в моих шкафах, она на меня больше не смотрит. Не знаю уж, что она там разыскала... (Подходя к Люсьену и Фредерику.) Слушаю я вас, дети мои, и не понимаю! Вы тут себя мучаете, бьётесь. А мне жизнь и любовь всегда казались значительно проще. Однако не нужно думать, что я не любил. Когда мне было двадцать лет, у меня уже были три любовницы. Коллега по регистратуре, пленительная блондинка, которую я раскатывал на все цвета радуги, горничная из ресторана, где я столовался, и девушка из лучшей семьи в городе. Последнюю я узнал девственницей, мон шер, и она принимала меня у себя ночью в двух шагах от комнаты родителей. Жи. Пе. Простите, я даю вам только её инициалы. Эта женщина потом вышла замуж за ответственного чиновника.

ЛЮСЬЕН. Я её знал, она была горбата.

ОТЕЦ, обиженно. Едва. Лёгкая деформация, которая не уменьшала её шарма.

ЛЮСЬЕН. Она была страшная!

ОТЕЦ. У неё был крупный нос, согласен. Но глаза прекрасные. (Придвигаясь.) И потом, между мужчинами будет сказано, чёрт побери! Я был тот ещё молодец... горб, нос - знаете, только оказался в постели... (Делая другое движение рукой, на этот раз благородное.) Осторожно! Галантность и вежливость исключительные. Я всегда уважал женщину. Но не более. Женщина никогда не могла заставить меня отказаться от бильярда и товарищей. Я так устроил, чтобы никогда не страдать! Кстати, у меня был принцип. Уходить всегда первым. Мои связи никогда не длились больше трёх месяцев! Как только подходил срок, я был безжалостным. И я видел таких, которые ревели, как животные, бегали за мной по пятам на улице нагишом. Мольбы, угрозы, я ничего не слышал - ничего не видел. Однажды, крепкая брюнетка, портниха у Каора - некая Юнона, мон шер, груди во такие! Я на пороге, она - прыг на кухню и за бутылку с хлоркой! «Сделаешь шаг - выпью!» Я вышел.

ЛЮСЬЕН. Она выпила?

ОТЕЦ. Уверен. Я встретил её тремя неделями позже, мне показалось, что она похудела. Ну, так что ж! Всё улаживается! Она вышла замуж за жандарма. Теперь у неё взрослый сын парикмахером. Что вы думаете это такое, жизнь? Главное, чтоб не надули!

ЛЮСЬЕН. А, если больно?

ОТЕЦ, кричит, искренне. Но это не больно! Тут-то я вас никак и не пойму!

МАТЬ, появляется с чашкой в руке. Вот. Я отнесу ей наверх кофе, и мы отправимся.

ОТЕЦ. Мы будем очень жалеть, свекровушка.

МАТЬ. Кобыла идёт хорошо... Шарль уверяет, что мы до ужина будем дома. Он доехал всего за три часа. Шарль привёз одеяло, но боюсь, Улии будет прохладно к вечеру. Я возьму ещё одно, пришлю обратно после.

ОТЕЦ, по-барски. Мама, этот дом ваш!

МАТЬ. Свадьбу сыграем в назначенный день, но Улия, как и я, она то-же думает, что лучше никого не приглашать.

ОТЕЦ, с движением руки. Семья...

МАТЬ. Улия предпочитает, чтобы вас обоих на свадьбе не было.

ОТЕЦ, не позволяя себе понять. Как это – обоих?

МАТЬ. Её брата и вас.

ОТЕЦ, ошеломлённый. И, тем не менее, свёкровушка, отец...

МАТЬ. Дядя Фредерика поведёт её к алтарю. Теперь она хочет, чтобы у неё была только одна семья.

ОТЕЦ, отрёкаясь от всякой гордости. Я себе и фрак сшил...

Мать не отвечает. Люсьен кричит, обращаясь к отцу.

ЛЮСЬЕН. Папа! Если я женюсь в Африке, я тебя приглашу! Будет чудес-но – увидишь! Все будут поголовно голые, все до одного вонючие, чёрные, ты один - во фраке, обливаешься потом в центре процессии под руку с моей светловолосой Дульцинеей. Мы тоже будем полны бла-городства, тоже будем среди своих – одни негры!

ОТЕЦ, с шекспировским жестом. У меня больше нету детей!

ЛЮСЬЕН. Куда ты?

ОТЕЦ. К Просперу. Одолжи двадцать франков.

ЛЮСЬЕН. Я даю тебе пятьдесят, дорогой Лир! Напейся! Того стоит.

Мать Фредерика смотрит, как они выходят, пожимает плечами и подни-мается к Улии. Фредерик остаётся один. Появляется Жаннетта в белом платье. Она стоит некоторое время, не двигаясь. Увидев её, Фредерик встаёт...

ЖАННЕТТА. Да, я вышла замуж в белом, чтобы всё селение было в яро-сти. И нужно было всё-таки платье использовать. (Пауза.) Вы всё ещё женитесь через месяц?

ФРЕДЕРИК. Да.

ЖАННЕТТА. Моё дело сделано. (Пауза.) Хорошо, когда вещи сделаны, когда не нужно больше задавать себе вопросов и возвращаться вспять. Вот почему я пришла попрощаться с вами.

ФРЕДЕРИК. Уходите.

ЖАННЕТТА, спокойно. Да. Не говорите так строго. Я уже ушла раз и навсегда. Я вам говорю теперь о конце света. Это встреча, дополни-тельная минута, которую судьба дарит иной раз, когда всё уже реше-но... наши

поезда развили скорость и пересеклись теперь только для того, чтобы ещё быстрее разлететься в разные стороны. Мы посылаем друг другу последнюю улыбку. (Пауза.) Даже не улыбку.

ФРЕДЕРИК. Нет.

ЖАННЕТТА. Как вы серьёзны! Значит, вы не умеете играть с жизнью?

ФРЕДЕРИК. Нет.

ЖАННЕТТА. Мне тоже тяжело, но я играю. Я очень весела, там я их пою, заставляю танцевать. Гости моего мужа не иссякают в красноречии! Только он знает всё наперёд, и ему страшно.

ФРЕДЕРИК. Страшно чего? JEAN ANOUILH ROMEO ET JEANNETTE 54

ЖАННЕТТА. Он, как человек, который выиграл кота в мешке.

ФРЕДЕРИК. Вы его и заставите страдать?

ЖАННЕТТА. Уже сделано.

ФРЕДЕРИК. Вас это развлекает?

ЖАННЕТТА. Мне это всё равно, я его не знаю.

ФРЕДЕРИК. А сегодня утром вы сказали перед всем миром, что вы его жена?

ЖАННЕТТА. Случилось совсем не то, что, им показалось, они услышали, я ничего такого не говорила. Сегодня утром, священнику и этому, в мэрии, с трёхцветной перевязью через плечо я не сказала, что беру мужа на горе и радость – навсегда. Я сказала, что на жизнь и на смерть отказываюсь от вас. Да, это странно. Священник прокричал в церкви: «Мадмуазель Жаннетта Моран, согласны ли вы никогда не брать в мужья мсье Фредерика Ляривьера?» И никто не повернулся, никто не нашёл эту реплику неприличной, то, что ваше имя выкрикнули на чужой свадьбе. В мэрии тоже никто не ужаснулся этому маскараду... трёх-цветный толстяк, кресла для распределения достоинств, жених, запряжённый как телец, уготованный на заклятие... всё только для того, чтобы я могла сказать, что никогда не буду должна вам послушания, и не обязуюсь следовать за вами повсюду!

ФРЕДЕРИК. Другие услышали одну правду, что вы связали себя навсегда с другим мужчиной.

ЖАННЕТТА. Нет. Я навсегда вас отторгла. Это торжественное таинство должно было быть предусмотрено церковью, вместе с другими: таинство отторжения. (Пауза. Стоя друг напротив друга, они смотрят друг другу в глаза.) Я тоже пришла попросить у вас прощения за ту боль, которую вам причинила.

ФРЕДЕРИК, с жестом. Ничего.

ЖАННЕТТА. Вы воротились в тот дом ночью?

ФРЕДЕРИК. Да. Как только врач сказал, что с Улией всё обошлось.

ЖАННЕТТА. И вы меня ждали?

ФРЕДЕРИК. До утра.

ЖАННЕТТА, после короткой паузы. Я должна была оставить письмо...

ФРЕДЕРИК. Может быть. (Пауза.) Когда мы с вашим братом вышли, там стоял человек, это он?

ЖАННЕТТА. Да.

ФРЕДЕРИК. И он вошёл, как только мы ушли?

ЖАННЕТТА. Это я его позвала.

ФРЕДЕРИК. Почему?

ЖАННЕТТА. Чтобы сказать ему, что если он хочет меня ещё видеть, то я стану его женой.

ФРЕДЕРИК. И это было устроено тут же?

ЖАННЕТТА. Да. Мы даже немного подтасовали официальное объявление в мэрии. В провинции всё устраивается. Мне хотелось, чтобы в день мо-ей свадьбы вы ещё были здесь.

ФРЕДЕРИК. Всё хорошо. Вот только мы сейчас уезжаем. (Короткая пау-за.) Мне осталось пожелать вам счастья.

ЖАННЕТТА, спокойно. Вы смеётесь.

ФРЕДЕРИК. Мне бы хотелось смеяться. Должно быть, смеяться приятно.

ЖАННЕТТА. Говорят.

ФРЕДЕРИК, кричит. Но я буду смеяться. Завтра или через год, через десять лет, клянусь вам, я буду смеяться. Когда дети начнут гово-рить и скажут что-то смешное, или я увижу собачку, которую мы купим для их развлечения, как та испугалась во дворе тени, или просто так, не из-за чего, потому только, что станет вдруг жарко, а свет солнца прольётся на море.

ЖАННЕТТА. Да, вы засмеётесь.

ФРЕДЕРИК. Пока мне больно, и нет ни в чём уверенности. Но настанет совершенно новое утро, утро без воспоминаний, когда я встану с рас-светом, и всё встанет на свои места. Я опять обрету, проснувшись от кошмарного сна, мой наново выкрашенный дом на берегу моря, чёрный стол у окна, продолжительные часы жизни, когда тень церкви нетороп-ливо ползёт через площадь, и улыбка Улии однажды вечером станет, как тихая вода. Будет день, когда я вновь буду сильным, как раньше. Однажды. И люди и вещи вокруг меня больше не будут вечными вопроса-ми, они станут уверенностью и ответом.

ЖАННЕТТА. Да, мой дорогой.

ФРЕДЕРИК. Почему я вас не встретил, когда вернулся в тот дом? (Жан-нетта делает бессильный жест, не отвечая на вопрос.) Я обернул вашу рану платком! Я вас обнял. Я сказал вам: «Я буду вам верить все-гда». А вы говорили, что меня любите.

ЖАННЕТТА, слабым голосом, после паузы. Не нужно было оставлять меня одну.

ФРЕДЕРИК. Улия могла умереть...

ЖАННЕТТА. Да. И пойти к ней сразу - было, с вашей стороны, благо-зумно и правильно. Но бывают минуты, когда благо-разумные – это не то, что нужно.

ФРЕДЕРИК. Она из-за вас отравилась.

ЖАННЕТТА. Да. Немного до или, может быть, после я бы тоже подумала: «Бедная Улия!» И я бы терпеливо ждала всю ночь, счастливая успоко-ить вас под утро. Но нам не повезло, это была как раз та минута, когда нельзя было меня оставлять.

ФРЕДЕРИК. Почему?

ЖАННЕТТА, с грустной улыбкой. Вы всегда спрашиваете меня, почему. Думаете, что я знаю? Я была, как птица на самой высокой ветке, готовая улететь или свить гнездо. Я пробила стекло рукой... я пролила за вас

кровь и гордилась этим. Сказали бы мне, выпрыгни из окна, войти в огонь - я бы и это сделала. Единственное, что для меня было совершенно невозможно, так это не чувствовать на мне вашей руки.

ФРЕДЕРИК. Почему вы не закричали, почему дали мне уйти?

ЖАННЕТТА. Было уже слишком поздно. Как раз в тот момент, когда ваша рука оставила меня, именно тогда я перестала быть самой сильной. Вы даже не ушли, вы не сделали ещё ни одного шага, а я уже стала самой слабой, неуверенной, уже вовсе не созданной для вас. Даже если бы я и хотела, я бы не смогла вас окликнуть.

ФРЕДЕРИК. Вы думали о том, что я вернусь?

ЖАННЕТТА, после колебания. Да. Но ждать вас было уже нечестно... (Спокойно.) Даже если бы вы и согласились, думаете, согласилась бы я тащить вас за своей юбкой, чтобы вы потворствовали моим капризам и гнусным недостаткам, которые мяукают вокруг меня, как кошки? Ду-маете, я согласилась бы вам изменить однажды, как изменяла другим - без всякой причины, и чтобы потом вы простили меня только потому, что я немножко поплакала... до тех пор, пока ни совершила бы этого снова? Я предпочитаю лучше умереть. (Во время паузы они стоят друг напротив друга.) Кстати, именно это я и пришла вам сказать. Тем ве-чером, когда я пообещала ему выйти за него замуж, я ещё принадлежа-ла этому мужчине. Я опять стала слабая и трусливая, как раньше. Я опять стала ложью, беспорядком, ленью. Я опять стала тем, чего вы так не любите, и я не смогу быть вашей женой - никогда! (Короткая пауза.) Но если вы хотите, чтобы это длилось вечно, сегодня я могу предложить вам только одно - умереть вместе с вами.

ФРЕДЕРИК, после паузы, глухо. Нет, это трусость, нужно жить.

ЖАННЕТТА. С кляксами и исправлениями, до тех пор, пока окончательно ни состаришься и ни станешь уродливым, чтобы потом корчиться на по-стели в поту, сопротивляясь, как зверь. А море так чисто, волны всё моют...

ФРЕДЕРИК. Нет. (Пауза.) В море - тысячи трупов, оно нечисто. Смерть также не чиста. Море ничего не решает. Оно скрывает, промахиваясь, оставляя грубую карикатуру, которая, искажаясь, протухает... оста-ётся стыдная вещь, которую не знают, где спрятать. Только дети, ко-торые никогда не сидели над трупами, могут украшать их цветами и верить, что мы должны умереть с первой морщиной или с первой бедой. Мы должны стареть. Мы должны однажды выйти из детского мира и по-нять, что не всё так красиво, как было в детстве.

ЖАННЕТТА. Я не хочу взрослеть. Я не хочу научиться говорить да. Всё слишком некрасивое.

ФРЕДЕРИК. Может быть. Но весь этот ужас, все эти бесцельные жесты, это нелепое приключение – всё не наше, и нужно это прожить. Смерть – это тоже бессмыслица.

Оркестр вновь начинает играть вдалеке.

ЖАННЕТТА. Я возвращусь танцевать. Они там, должно быть, меня дожи-даются. (Улыбаясь.) Простите, что я пришла.

Она убегает в сад. Появляется Улия, за которой следует мать Фреде-рика, который стоит без движения.

УЛИЯ. Ты готов, Фредерик?

ФРЕДЕРИК, увидев её, отвечает после паузы. Да.

УЛИЯ. Думаешь, мы можем ехать?

ФРЕДЕРИК. Пошли. (Помогая ей спускаться.) Тебе не будет холодно в машине?

МАТЬ. У меня есть для неё ещё одеяло.

ФРЕДЕРИК. Мы не поедem через Бо, срежем по Болоту. Дорогу отремон-тировали этим летом, так что мы будем дома до наступления темноты.

МАТЬ. Ваш отец с братом всё-таки могли бы быть здесь, чтобы попрощаться с вами, малышка. Вы знаете, где они? В распивочной.

УЛИЯ. Тем лучше. Я предпочитаю их не видеть.

Говоря, они пересекают сцену. Фредерик останавливается на пороге и в последний раз осматривает комнату, отступив, давая Улии пройти, машинально говорит:

ФРЕДЕРИК. Проходи. Ты ничего не забыла?

УЛИЯ, остановившись. А ты?

ФРЕДЕРИК, просто глядя вдаль. Я с собой ничего не привозил.

Они выходят. Люсьен, выскакивает из кухни и кричит им, как окаянный. Стоя на диване, он посылает нелепые прощальные знаки и бросает цветы.

ЛЮСЬЕН. Да здравствует невеста! Будьте счастливы! Виват, невеста!

ОТЕЦ, влетая, как вихрь. Ты её видел?

ЛЮСЬЕН. Кого?

ОТЕЦ. Жаннетту?

ЛЮСЬЕН. Где?

ОТЕЦ. Там, на песчаном берегу. Он заставляет его повернуться. Люсьен смотрит, молча.

ОТЕЦ. Видишь ли ты её?

ЛЮСЬЕН, спокойно. Купается.

ОТЕЦ. В платье?

ЛЮСЬЕН. В платье.

ОТЕЦ. Но прилив начался!

ЛЮСЬЕН. Прилив начался.

ОТЕЦ. Она, что, не понимает, что там её унесёт и закрутит.

ЛЮСЬЕН. Она знает бухту лучше тебя.

ОТЕЦ. Ого, Жаннетта! Ого, Жаннетта! Бог мой!

ЛЮСЬЕН, спокойно. Она бежит. Она на ветру не слышит. И потом, даже если бы она и слышала, она бы всё равно не ответила. Она пропала, папа... пропала, сестричка.

ОТЕЦ. Что ты несёшь? Ты думаешь...

ЛЮСЬЕН. Уверен.

ОТЕЦ, бегом на месте. Чёрт побери! Нужно что-нибудь сделать! Нужно обязательно что-нибудь сделать! Идём! Бери верёвки. Попросим помощи в замке.

ЛЮСЬЕН, останавливаясь. Нет.

ОТЕЦ. Как это нет?

ЛЮСЬЕН. Говорю тебе, что ничего делать не надо. Оставь её! Во-первых, слишком поздно, и потом, ты этим послужишь ей службу.

ОТЕЦ, высвобождаясь. Ты – чудовище! Я побегу через рощу!

ЛЮСЬЕН. Давай. Для тебя это будет зарядкой, всё не так ужасно, как отсюда смотреть.

Отец выскакивает и тут же возвращается обратно.

ОТЕЦ. Ура! Ура! Фредерик! Он увидел её с дороги, из машины выско-чил! Давай! Вот мужчина! По мостику выскочил на песок. Он чешет че-рез лагуну... ему воды уже по колено, он не пройдёт.

ЛЮСЬЕН, спокойно. Пройдёт.

ОТЕЦ. Прошёл! Прошёл! Удачи! Давай! Давай! Давай! Bravo, молодой человек! Какой спортсмен! Ну же! Вперёд!

ЛЮСЬЕН, обращаясь к отцу. Заткнись! Думаешь, ты на футболе?

ОТЕЦ. Как это, на футболе?

ЛЮСЬЕН. Ты слишком безобразен, когда кричишь. Говорю тебе, замолчи.

ОТЕЦ, смущённо. Но я - твой отец.

ЛЮСЬЕН, взяв его за грудки, как будто собираясь побить, трясет. Знаю! Знаю! Только ты слишком глуп и безобразен, бывают минуты, ко-гда я терпеть тебя не могу. Теперь одна из таких минут. Так что за-ткнись! Ты хорошо слышишь меня, заткнись, или я тебя оглушу!

ОТЕЦ, видя Фредерика, освобождается от Люсьена. Он подбежал к ней! Он с ней! Отпусти меня! Если они побегут к семафору, то выберутся. Пролив делает изгиб, и там остаётся кусочек песка. Жаннетта это знает, она точно знает! Это их последний шанс... Пусть только бе-гут, чёрт возьми! Пусть быстро бегут! Почему они не шевелятся, что они вытворяют?

ЛЮСЬЕН. Разве не видишь... они разговаривают.

ОТЕЦ. Но это сумасшествие! Они сумасшедшие, что один - что другой. Кто-нибудь побежит сказать им об этом? Я слишком стар! Сейчас не время разговаривать, чёрт побери! (Кричит, нелепый, приставив ладо-ни ко рту.) Не говорите больше! Не говорите!

ЛЮСЬЕН, спокойно. Заткнись или я тебя задушу! Дай им поговорить. Дай им поговорить, пока у них есть такая возможность. Им много есть что друг другу сказать.

Во время паузы, они, задыхаясь и вцепившись друг в друга, смотрят.

ЛЮСЬЕН. А теперь ты видишь, что они делают, старый оптимист, скажи, ты видишь? Они целуются. Они целуются с морем, которое бежит им в спину. Ты ничего в этом не понимаешь, не так ли, старый Дон Жуан, неудачник, дряхлый рогоносец, рухлядь ты старая!

Люсьен ужасно трясёт отца.

ОТЕЦ, воеет, стараясь освободиться. Но прилив! Прилив, чёрт возьми! (Кричит, нелепый, бессильный.) Осторожно, прилив!

ЛЮСЬЕН. Им наплевать на прилив и на твои крики, на Улию, мать, ко-торые на них смотрят с дороги, на всех нас! Они в объятиях друг друга, и в их распоряжении осталось не больше минуты.

ОТЕЦ, высвобождаясь, выскакивает из дома, крича. Не скажут, что я бездействовал! Я побегу к ним по таможенной тропе!

ЛЮСЬЕН. Вот именно, не замочи только ноги. (Не двигаясь, глядя на море.) Любовь, горькая любовь... ты счастлива? Дорогое сердце, до-рогое тело, дорогая романтика... разве нечего больше сделать, нет книги для чтения, дома, чтобы его построить? Разве не сладостно это – лучи солнца, которые ласкают кожу, прохладное вино в стакане, во-да ручья, тень в полдень, огонь зимой, снег и даже дождь, ветер, деревья и облака, животные, все невинные твари, и дети, прежде чем ни станут они некрасивы? Горькая любовь, скажи, не сладостно ли и всё остальное?

Люсьен отворачивается, как будто не желая видеть происходящего. Он подходит к столу, наливает себе стакан вина и говорит в потолок. JEAN ANOUILH ROMEO ET JEANNETTE 60

ЛЮСЬЕН. Ну. Ты доволен? Именно так всё и должно было произойти. Я, впрочем, сказал им, что тебе не понравится. (Пауза. Он наливает се-бе ещё вина.) Прости, господи, но ты мучаешь меня жаждой.

Он выпивает вино залпом. В тёмной накидке на пороге появляется поч-тальон.

ПОСТАЛЬОН. Детки! Детки!

ЛЮСЬЕН. Для меня... наконец-то?

Люсьен вырывает у старика из рук письмо, лихорадочно ломает печать, смотрит, засовывает письмо в карман и берет, молча, сумку и шляпу с вешалки.

ПОЧТАЛЬОН, пока тот одевается. Ну что?

ЛЮСЬЕН, повернувшись, спокойно. Больше нету детей. Прощай, почталь-он.

Он толкает его по-дружески и, не обернувшись, погружается в вечер. Занавес падает.